

М. СБОИЧАКОВ
ВЛ. ЧЕРЕВКОВ
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ
НАД
РЕЙХСТАГОМ

М. Сбойчаков
Вл. Черевков

☆

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ над Рейхстагом

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ
Москва — 1960

...Березка русская крепка, стройна,
Росла, быть может, где-то у оврага,
Но стала древком знамени она,
Летевшего над куполом рейхстага.
Мы с гордостью подумаем не раз,
Что эта же земля взрастила нас.

Степан ЩИПАЧЕВ

1

Было лето 1944 года. Страна переживала радостный подъем. На всем необъятном фронте Советская Армия развертывала мощное планомерное наступление. Гитлеровские полчища, бешено огрызаясь, отходили с захваченных земель, попадали в «котлы», сдавались в плен. Близилось полное освобождение Родины.

...На опушке густого темного леса, какие часто можно встретить в Белоруссии, длинными шеренгами выстроились партизаны прославленного отряда «Бати». Их боевое снаряжение и обмундирование выглядело довольно пестро, «индивидуально», зато было вычищено и тща-

тельно пригнано. Впереди отряда тяжело колыхались складки пурпурного знамени — подарка комсомольцев села Весеновцы.

Чем-то неуловимым напоминали бойцы-партизаны красногвардейцев гражданской войны. Но три года ожесточенных схваток с регулярными немецкими частями наложили на отряд твердый отпечаток своеобразного воинского соединения. И в безукоризненно ровных рядах, и в подобранных фигурах, ждущих приказаний, угадывалась та безоговорочная дисциплина, без которой немыслимы успешные действия против отлично организованного и сильного врага. На боевом счету отряда числилось немало блестящих операций, сделавших его подлинной грозой для самоуверенных оккупантов.

Обветренные, загорелые лица партизан, пожилых, молодых и совсем еще юных, светились отблеском радостного ожидания, но они были строги, торжественны, как и подобало моменту. А момент был исключительным в жизни народных мстителей. Предстояло влиться в ряды Красной Армии, с которой отряд давно уже вошел в непосредственную связь.

Из-за пригорка, поросшего редким кустарником, показались идущие на рысях четыре всадника. «Батя», прохаживавшийся в сопровождении комиссара, начштаба и адъютанта вдоль фронта, выждав с минуту, разгладил усы и звучно скомандовал:

— Смирно-о!

Всадники быстро приближались. Метров за пятьдесят двое спешились, кинули поводья оставшимся с лошадьми и направились к отряду, широко шагая по молодому подлеску. «Батя» пошел навстречу. Остановившись на положенной по уставу дистанции, он поднес руку к козырьку фуражки и четко отдал рапорт. Полковник, с живыми внимательными глазами на суховатом молодом лице, приняв рапорт, пожал руку «Бате» и вместе с ним подошел вплотную к отряду. Окинув оценивающим взглядом четкие ряды бойцов, он поздоровался и, услышав раскатистый строевой ответ, весело сказал:

— Да у вас настоящая воинская часть. Рад такому пополнению. О ваших славных делах мы хорошо знаем, — добавил он, уже обращаясь к бойцам. — Спасибо за активную помощь Красной Армии.

— Служим Советскому Союзу! — дружно ответили партизаны.

После команды «вольно» людей поставили в круг, и прибывший с полковником политрук провел беседу. В настороженной тишине он поздравил «лесных воинов» с предстоящим вступлением в Красную Армию, сказал о значении для каждого из них этого важного события, о высоком долге солдата, посланного народом защищать Родину, разъяснил обстановку на фронте.

— Мы бьем подлых захватчиков, — закончил он, — гоним их с нашей священной земли и добивать будем в их логове. Но боевой работы много впереди. Враг еще силен и дерется ожесточенно. Ну что ж, чем жарче война, тем ближе мир. Наше дело правое, и мы победим!

2

Партизаны, весело балагуря, звучно перекликались в лесной тишине. Откуда-то неслась разливная песня. Из землянок, с низкими бревенчатыми накатами и маленькими окошками сверху, вытаскивали незатейливый скарб.

Комиссар отряда Какошин, широкоплечий и грузный, проверял, чтобы не брали с собой лишних, ненужных вещей.

— Эй, Егорыч! — крикнул, подмигивая комиссару, вихрастый парень в матросской тельняшке. — Брось сундук-то, не срами нас перед армией!

— Так ему сподручней, — отозвался другой паренек в эсэсовской с высокой тульей фуражке, — в обоз определят, отступать будет первый, наступать последний.

Егорыч, чернобородый пожилой колхозник, в сердцах шваркнул сундучок о сосну.

— Ну, ну, не кипятись, — примиряюще сказал комиссар. — Покажи-ка, что у тебя там.

Колхозник, смущенно сопя, открыл сундучок и вывалил на землю содержимое.

— Что ж, предметы все полезные,— заметил комиссар. — Только вот коврик этот на что тебе? Да и свой «чемодан» оставь здесь, вещевой мешок получишь...

В стороне, не участвуя в сборах, лежал молодой

партизан с нашивками сержанта. Какошин подошел к нему.

— Как себя чувствуешь, Миша? — ласково спросил он.

Сержант поспешно, но с видимым усилием поднялся.

— Подходяще, товарищ комиссар, — ответил он баском, застенчиво улыбаясь.

— Ничего себе, подходяще, — буркнул Какошин. — Да ты ложись, ложись, а я тоже здесь примощусь.

И он опустился на землю. Миша сел, прислонившись спиной к ели.

Несколько секунд комиссар испытующе вглядывался в бледное осунувшееся лицо партизана.

— Краше в гроб кладут, — сказал он, покачивая головой. — По-настоящему отдохнуть тебе, дружок, надо. И нечего бодриться, иначе плохо будет.

Миша подозрительно взглянул на него.

— Я не прочь, товарищ комиссар, — тихо сказал он. — В полку, небось, подлечат. Мне ведь не больше недельки потребуется, да нет, меньше...

Какошин с неуклюжей нежностью положил ему руку на плечо.

— Не неделькой тут пахнет, милый ты мой. Врач сказал, что положение твое серьезное, шутить с этим нельзя. Потребовал, чтобы тебе на три месяца был предоставлен покой, только тогда можно надеяться на полное восстановление сил. А ты знаешь, какой он опытный, врач-то? Его слушаться надо. Миша, отправляйся-ка ты к себе в Бардино. Там, в домашней обстановке, и отдохнешь, и поправишься скорее...

Слушая комиссара, Миша все больше мрачнел и хмурился. Словно тень пробегала по его лбу, углы рта опустились, и от этого лицо стало казаться длиннее...

Лишь неделю назад Михаила Егорова, лихого разведчика и бесстрашного бойца, разбинтовали. В последней схватке с гитлеровцами он был опасно ранен в грудь. Две вражеские пули засели — одна в правом легком, другая пониже сердца. Пока раненого подобрали и в бесчувственном состоянии доставили в отряд, он потерял много крови. Привезенный из района хирург искусно сделал операцию, извлек пули и спас Мише жизнь. Он сильно ослабел, но и слышать не хотел об отправке в госпиталь, раздражался и даже тихонько пла-

кал, когда заговаривали об этом. Его поместили в отдельную землянку, окружив заботами и тщательным уходом.

Михаил медленно поправлялся. Но когда пришла весть о слиянии с полком, он вылез из землянки и решительно заявил, что совершенно здоров и валяться больше не намерен. Какошин, наблюдая за Егоровым во время смотра на лесной опушке, видел, как тот пытается не отставать от других, тянется в строю, строго держит равнение. Комиссар понимал, каких это усилий стоило упрямому партизану, и теперь добивался, чтобы тот сам убедился в необходимости точно соблюсти требование врача.

Выслушав Какошина, Егоров угрюмо сказал, глядя в землю:

— Никуда я не пойду, товарищ комиссар. Долго отдыхать мне не годится, фашистов поганых бить надо.

Какошин улыбнулся.

— Дело похвальное. Но пойми же ты, голубь, — он слегка дотронулся до рукава Мишиной гимнастерки, — как же ты будешь их бить, когда тебя самого пальцем свалить можно. Ведь ты привык быть впереди, а таким, как ты сейчас, только обузой станешь для армии. Понимаешь, обузой. И чем дальше, тем хуже тебе будет, если не долечишься как следует.

Егоров внимательно посмотрел на комиссара и, ничего не сказав, отвел глаза в сторону.

— И самое главное, Миша: командир полка приказал всех больных отправить в тыл. Вместе с тобой едут еще и Никишин, Петров, Смолянчук.

Егоров снова взглянул на комиссара, теперь уже с досадливым укором.

— Так бы и сказали с самого начала. А то что ж тратить-то на меня время, агитировать...

— Боялся, Миша, что ты сбежишь в дороге. В тебе ведь, есть этакое, партизанское...

— Приказ есть приказ, — хмуро сказал Егоров и безнадежно махнул рукой. — А насчет обузы это вы правильно, товарищ комиссар. Здесь я не додумал...

Егоров отказался ехать в телеге с больными:

— Мне по другому направлению. Я уж как-нибудь сам доберусь.

Дружески распрощавшись с партизанами («Не уви-

жу, небось, их больше», — мелькнула тоскливая мысль), обнявшись с комиссаром, Михаил перекинул через спину небольшой вещевой мешок и двинулся в путь, в родную деревню Бардино.

3

Несмотря на свою молодость — ему едва сравнялось двадцать лет, Михаил Алексеевич Егоров пользовался большим уважением в отряде «Бати». Он отлично справлялся с ответственными боевыми поручениями и стал хорошим разведчиком. «Батя» назначил его командиром разведывательного отделения, и тогда-то Егоров получил звание сержанта, не будучи в армии.

С тех пор, как в мае 1942 года Михаил пришел в отряд из деревни Бардино Руднянского района, он принял участие в пятидесяти боевых операциях. Его группа спустила под откос два гитлеровских воинских эшелона, на большаке Рудня — Демидов взорвала три автомашины, спалила двадцатипятиметровый мост. Славными делами в жизни партизанского отряда отмечены были январь и февраль 1943 года, когда отделение Егорова провело смелую разведку в селах Сиродки, Латыгаль, Чашныках, Чересе. Попав в окружение в Ушаческом и Бегомельском районах, оно с боем пробилось к своим.

И при всем том отважный партизан Егоров был застенчивым, немного угловатым. Как силач подчас стесняется своей силы, так и он неохотно говорил о своих подвигах. Партизаны любили своего сержанта за готовность всегда прийти на помощь товарищу в тяжелых обстоятельствах.

Вот так бывает. Живет среди нас человек, и никто не знает, что он хороший. Подчас, наоборот, досужие люди находят в нем, как в каждом человеке, какие-нибудь несимпатичные им черты, раздувают их, сплетничают. Но вот приходит время, которое требует высокого напряжения душевных сил. И тогда этот незаметный человек скромно и просто, как это ему и присуще, идет на подвиг, раскрывая все богатство своего внутреннего мира.

В свои шестнадцать лет Миша Егоров и не сознавал, какой большой любовью любит он Родину, ее небо

и солнце, реки и озера, поля и леса. И вдруг в мирные просторы этой родной земли ворвался враг, которому народ не сделал никакого зла, разрушает то, что создано многолетним трудом. Все возмутилось в прямой и честной душе юноши.

И Михаил поклялся самому себе не успокаиваться до тех пор, пока не будет изгнан подлый враг из советской земли. И он честно выполнял свою клятву, не давая себе никакой поблажки, не боясь опасности. Он не думал, что совершает подвиги. Он считал это необходимой работой оторванного от мирного труда советского человека.

И вот теперь исполняется его заветная мечта. Красная Армия, армия справедливости и свободы, гонит прочь наглых захватчиков, освобождает от них родную землю. А что же он, Михаил Егоров? Как же он выполняет свою клятву? Идет на покой. И хуже всего, что ничего поделать нельзя, надо правде смотреть в глаза. Какой он сейчас боец? Комиссар прав: нужно набраться сил, чтобы достойно продолжать начатое дело.

Но это был голос трезвого рассудка, а на душе у Миши было мрачно, пока он тихо шагал по лесной тропинке. И лишь когда вышел в поле и его охватила ласковая свежесть летнего вечера, стало как будто легче.

«Ну, насчет трех месяцев — это еще дело нерешенное, — думал он, — раньше, конечно, оправлюсь. А семью повидать неплохо, да и помощь его, разумеется, нужна. Трудно им там — матери и сестре Насте — приходится с четырьмя ребятами. Никифор ведь на фронте».

Очень любил Миша старшего брата Никифора. Замечательный парень! Он, как говорят: «как родился, так сразу и в дело сгодился». На все руки мастер и души чудесной. Были они закадычные друзья, шагу друг без друга не ступали. Как-то он теперь там сражается? Геройски, конечно...

До родной деревни дорога длинная, и Миша, выйдя на большой тракт, решил добираться попутными машинами. Шоферы охотно сажали к себе солдата, идущего домой на побывку. От слабости во всем теле он часто засыпал, а очнувшись, смотрел в потемневшее небо. Всплывали в памяти яркие эпизоды, трудные поло-

жения, когда требовалось все напряжение его ума и воли.

...Вот он со своими двенадцатью разведчиками попал в окружение. Все теснее сжималось вражеское кольцо. Уже кричали торжествующие победители: «Сдавайся, русс, капут!» Но партизаны стойко сражались, отбиваясь от врага. Наконец, улучив удобный момент, Миша поднялся во весь рост и метнул в наседавших немцев одну за другой несколько гранат. Крикнув «За мной!», он бросился вперед. Стреляя на ходу из автоматов, забрасывая гитлеровцев гранатами, партизаны ринулись за ним. Прорвавшись в лес, разведчики благополучно вернулись «домой»...

...Мише пришлось сменить несколько машин, пока он добрался до Бардина. Поблагодарив водителя, Михаил свернул на проселок.

Солнце только что встало, и тени от кустов и деревьев призрачно лежали на росистой траве. Утренняя прохлада настраивала на быстрый размашистый шаг.

Мысли его уже были дома. Как-то там мать, младшие братишки и сестренки, что слышно о Никифоре, пишет ли?.. Острое беспокойство овладело Мишей, и он, уже не чувствуя слабости, невольно ускорил шаги.

Что с ними? Живы ли? Может, шатаются по миру без крова? Ведь фашисты могли пронюхать, что он партизанит, и тогда... У Миши заныло сердце, и он побежал задыхаясь...

Наконец на окраине деревни показалась родная изба. Даже палисадник уцелел... Михаил остановился, отдышался, потом медленно пошел к дому. Во дворе были все, кроме Насти. Мать, Наталья Пименовна, заметно постаревшая, подметала у порога. Завидев идущего к ним солдата, она разогнулась и, вглядевшись, тихо охнула, выпустив веник из рук.

— Мамка ты моя, дорогая! — взволнованно прошептал Миша, обнимая ее.

А она счастливыми, сияющими глазами смотрела на сына и дрожащей рукой гладила его по щеке. Но вдруг взгляд ее затуманился, и она, всхлипнув, уткнула лицо в Мишину грудь.

— Что ты, что ты, маманя, — ласково улыбнулся он. — Не плакать надо, а...

— Никиша-то, Никиша, — скорбно пролепетала мать и, уже не сдерживаясь, зарыдала.

Михаил вздрогнул, и руки его, обнимавшие мать, обмякли.

— Убит? — хрипло спросил он.

— Бумагу... месяц как получили...

Михаил, отстранив мать и не глядя на подбежавших детей, молча прошел в избу.

Когда дети робко вошли за ним, он сидел на лавке, прямой, неподвижный, и глаза его сухо блестели.

— А Настя? — отрывисто спросил он, готовясь услышать тоже что-нибудь страшное.

— Настя — ничего, — поспешно ответила мать. — Швейная мастерская начала работать, так она там...

Михаил посмотрел на жавшихся к матери детей.

— Ну, ребятки, идите же ко мне, — тихо сказал он. — Поздороваемся.

4

В Бардине отступавшие под натиском Красной Армии гитлеровцы оставили зловещие следы. Почти треть деревни была сожжена, сады вырублены. В полуразрушенных избах зияли черные провалы оконных и дверных проемов. Хозяев либо угнали с собой немцы, либо они были на фронте и в партизанских отрядах.

С горечью и болью в душе бродил Михаил по родной деревне, наблюдая картину варварского разгрома всего того, что еще так недавно жило здесь полнокровной созидательной жизнью. И вместе с тем поднималась в нем суровая гордость за свой народ, который нельзя сломить, нельзя победить.

За время своего пребывания в партизанском отряде он прошел немало деревень и сел. Он видел, как страна напрягает все усилия, чтобы помогать фронту, и как невидимая, но ощущаемая связь народа с Красной Армией делает и тыл сражающимся фронтом.

В Бардине жизнь налаживалась, хотя остались только женщины, старики и инвалиды. Одни из них не уходили из деревни, другие прятались по лесам и жили в землянках. Возвратившись после изгнания врага, они подправляли избы, а кое-кто уже срубил но-

вые, и начали восстанавливать колхоз, избрав председателем деловую солдатку, муж которой погиб на фронте. С большим трудом вспахали и засеяли колхозные поля, собрали рожь — подарок фронту.

Михаил по-хозяйски налаживал порядок в своей усадьбе, поставил новый плетень, починил весь несложный крестьянский инвентарь, ходил помогать на поле. С радостью ощущал он, как с каждым днем наливаются в нем силы и что уже скоро он не будет «обузой» на фронте. Как обычно, он с неохотой говорил о своих партизанских делах и только иногда, уступая просьбам Вани — меньшого брата, рассказывал ему о боевых эпизодах. Жалко вот, не осталось никого из его сверстников, или, как говорят на деревне, «ровни». А то бы и их послушал, и им кое-что рассказал. Зато все в родных местах живо напоминало прошлое. Каким по существу недавним оно было, и как далеко ушел он от этих недавних дней, незаметно стал совсем другим, взрослым.

Как-то Михаил забрел на кладбище, где давным-давно играл с ребятишками в прятки. Наткнулся на густо поросшую травой яму и, улыбнувшись, сел около. Потом лег навзничь, подложил под голову руки, и взгляд его утонул в чистой синеве неба. Воспоминания нахлынули на него...

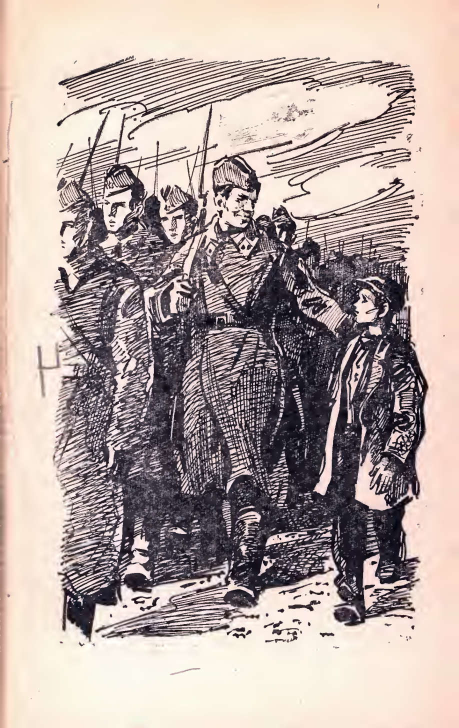
...Первый год войны. Гитлеровские орды, используя преимущества внезапного нападения, люто наседали. Наша армия с боями отступала. Миша горел желанием быть в ее рядах, защищать Родину.

Колхозники спешно убирали урожай. Несколько наших подразделений отходило по дорогам мимо Бардина. Михаил метался по тракту, приставая к солдатам с просьбами взять его с собой. Его хмуро отсылали к командирам. Он обратился к одному, ехавшему на гнедой кобыле. Тот неодобрительно посмотрел на него сверху:

— Мал еще.

— Да вы на рост не обращайте внимания, товарищ командир, — скороговоркой убеждал Миша, стараясь не отстать от лошади. — Мне уже семнадцатый... — У него ломался голос, и он старался говорить на низких нотах.

Командир невесело усмехнулся и переехал на противоположную сторону дороги.

Другой, шедший впереди роты, ничего не сказал Мише, только, отмахнувшись, как от назойливой мухи, ускорил шаг.

Третий сочувственно вгляделся в красное вспотевшее лицо парнишки, дружески посоветовал:

— Иди-ка ты, братец, домой. Подожди. Когда обратно возвращаться будем, обязательно возьму.

И утешительно добавил:

— Ты, братец, не беспокойся, скоро повернем и еще как их погоним.

Миша смутно сознавал, что этим людям тяжело отступать, отдавая на произвол жестокого врага беззащитных советских людей, землю, народное достояние. И совсем, наверно, не до того им теперь, чтобы еще возиться с каким-то мальчишкой.

Подавленный вернулся Миша домой. А мать была счастлива, он видел, как радостно поблескивали ее глаза: хоть этот остался. Никифор-то уже год как в армии и теперь сражается с фашистами. Но Миша твердо решил, что не сегодня, так завтра, а он будет на фронте. А пока тоже нельзя сидеть сложа руки, надо что-то предпринимать, ведь он же не маленький. Здесь, по всему видно, скоро будут немцы. Но что предпримешь, когда посоветоваться даже не с кем? Были у них в деревне три комсомольца — ушли на фронт. А деревенские ребята именно у Мишки Егорова и спрашивали: что делать?

— Я откуда знаю, — мрачно отвечал Миша и уходил прочь.

— Есть план, — сказал озорной Петька Морозов, прихлопнув на голове кепку.

— Выкладывай, коли есть, — предложил Миша, не ожидая ничего путного.

— Отъехать подальше от деревни, — стал «выкладывать» Петька, сильно жестикулируя, — поискать на полях оружие, поди, немало его там найдем... спрятать его, ну, хоть бы на кладбище, а как подойдут фашисты, вооружить всех и организовать отпор.

У ребят загорелись глаза.

— Верно, Петька! — восхищенно поддержал Васька Наумов. — Отгоним их от деревни, небось, не вся армия сюда нагрянет.

— Ничего не верно, — скучно сказал Миша. — По-

дальше — это значит нужно ехать туда, где сейчас бои, а если за несколько километров, то ничего не выйдет—наши не бегут, а отходят с боями и оружие не бросают....

— Подожди, подожди, — перебил Елисей Андриенко. — Ну, может, обронили как-нибудь, забыли. Вообще... поищем, кое-что, может, и найдем...

Решили все-таки сделать, как предложил Петька. Миша не одобрял этой затеи, но тоже принял участие — что-то ведь надо делать, а оружие, если хоть что-нибудь найдут, всегда пригодится.

И оно действительно нашлось: шесть ржавых винтовок, одиннадцать гранат и кое-что еще. Хоть не густо, но начало положено. Ночью вырыли на кладбище яму и закопали туда оружие и боеприпасы.

Когда стало совершенно ясно, что через несколько дней немцы будут в Бардине, Михаил предложил ребятам пойти за советом к комсомольцам соседней деревни Весеновцы. Там организация крепкая, и у них наверняка выработан точный план действий.

Секретарь, высокий, худощавый, с белесым вихром, спадающим на лоб, внимательно выслушал ребят (Михаил молчал), улыбнулся, когда услышал про «склад оружия» и «отпор фашистам», потом сразу посерьезнел.

— Ну, вот что, друзья, — сказал он, откидывая со лба волосы. — Вы уже большие, пора бросать детские игрушки. Если действительно хотите послужить Родине и народу, делайте то, что делают все настоящие патриоты.

— Вот за этим мы и пришли, — глядя в сторону, сказал Михаил. Ему было совестно за себя и за ребят.

— А коли за этим, то путь один — партизанить.

Ребята оторопели. Как это им до сих пор не пришло в голову?

— Куда же идти, где их искать, партизан-то? — спросил Васька Наумов.

—А уж этого я не знаю, — развел руками секретарь. — Партизаны не сообщают, где они находятся. Наши вот комсомольцы все ушли и теперь партизанят. Ступайте по лесам. Кто ищет, тот всегда найдет.

Ребята молчали, смущенно переглядываясь.

— А ты что же остался, не ушел?—вызывающе спросил Петька Морозов.

Секретарь внимательно посмотрел на него и ничего не ответил.

— Так-то вот, братушки, — сказал он, кладя руку на стол. — Действуйте. А пока — до свиданья, у меня дел по горло.

Ребята гурьбой направились к выходу.

— Ты, Егоров, задержись, — сказал секретарь. — Мне с тобой кой о чем потолковать надо.

Они знали друг друга. Михаил приходил на собрания к весеновским комсомольцам и был у них на хорошем счету.

— Ты что же в комсомол не вступаешь? — спросил секретарь, когда дверь закрылась.

Михаил чуть покраснел и ответил не сразу:

— Надо заслужить.

— Подход правильный. Только смотри, не тяни, скорей заслуживай. Вот в партизанском отряде как раз для этого подходящая обстановка. Ну, как, решаешь идти в партизаны?

— Конечно.

— Тогда вот что. Мы тебя знаем и доверяем тебе вполне. Отбери ребят посерьезней, да и постарше кого сагитируй, и валяйте в Акатовский лес к «Бате», начальнику партизанского отряда. Передашь им кое-что от меня и вообще со мною потом будешь связь поддерживать. Я здесь останусь.

В эту же ночь Михаил обошел деревню. Набралось желающих идти в партизаны двадцать два человека. Миша всех записал в тетрадку. На утро восемь груженых подвод, на которых, кроме всякого имущества и провианта, были оружие и взрывчатка, вырытые из ямы на кладбище, двинулись в путь. Была уже осень, по небу ходили хмурые тучи, пожелтевшие деревья светились в лесу, кружились, падая, сухие листья. Но на душе у Михаила было празднично. Он будет партизаном, он будет защищать Родину.

Шли весь день. Заночевали в лесу. По дороге пристала еще группа; среди них — две девушки. У каждого было какое-нибудь оружие—винтовка, охотничий нож, а то и топор, который, невзирая на добродушные насмешки, нес за поясом седобородый дед. В пасмурный осенний полдень, когда воздух казался мокрым от сыпавшегося в нем невидимого мельчайшего дождя, отряд в сорок семь

человек, предводительствуемый Мишей, прибыл в расположение партизанского отряда.

Михаил Егоров оказался смелым, инициативным. Через месяц «Батя», внимательно присматривавшийся к молодому партизану, дал ему под команду трех человек и поручил ответственное задание: взорвать склад боеприпасов в селе, занятом гитлеровцами. Михаил выполнил задание и привел еще с собой «языка». После этого он подал заявление в партизанскую комсомольскую организацию и был принят в комсомол.

5

Михаил долго пролежал на траве, весь во власти воспоминаний о партизанской жизни. Где-то они теперь, его ребята-сподвижники? Может, освобождают Польшу, а может, на границе с Пруссией «нажимают на пятки» фашистам?.. А он нагуливает здесь телеса, заботится о собственном благополучии...

Прямо с кладбища, зайдя только домой за документами, Михаил явился в Рудненский военкомат и попросил отправить его на фронт.

Начальник первого отдела просмотрел документы.

— Больных не отправляем, — сказал он, протягивая Михаилу его бумаги.

— Какой же я больной, товарищ старший лейтенант? — обиженно возразил Михаил. — Можете освидетельствовать.

— Здесь ясно сказано — три месяца, а вы сколько времени на отдыхе?

— Три недели, — запинаясь, ответил Михаил. — Но это неважно, товарищ старший лейтенант...

— Для меня важно, — отрезал начальник. — Вы имеете представление о дисциплине? Пройдет три месяца — задерживать не стану.

Михаил повернулся налево кругом и вышел.

Еще неделю он томился. Настя приносила из мастерской радостные вести:

— Опять фашистам «котел» устроили!

Михаил оживлялся, расспрашивал подробности, но потом мрачнел и уходил из избы.

Однажды Настя, едва переступив порог, торжественно возвестила:

— Двадцать две фашистские дивизии разгромлены под Кишиневом.

— Ух ты! — восторженно сказал Ванятка.

У Михаила осветилось лицо.

— Записала сводку? — быстро спросил он.

Она подала ему бумажку.

— Вот читай.

Михаил взял и, выйдя во двор, сел на лавку. Он прочитал два раза сообщение Советского информбюро по радио, записанное Настей, как он просил ее делать, и устремил взгляд в пространство.

Нет, больше ему невмоготу. Он должен быть с теми, кто, жертвуя собой, бьет сейчас фашистов, гонит их с родной земли. Иначе грош ему цена и как солдату, и как гражданину. Конечно, он имеет представление о дисциплине. Но при чем же тут дисциплина? Врач просто ошибся, назначив такой долгий срок. Не учел возможностей крепкого, натренированного организма. Надо действовать решительно.

И на другой день Михаил снова отправился в военкомат. Он надел воинский костюм и, хотя терпеть не мог похвальбы, взял свою характеристику, в которой перечислены были его боевые дела. Захватил и выписки из приказов о назначении его командиром разведывательного отделения и о присвоении звания сержанта.

— Стыдно с такими бумажками на руках прохлаждаться здесь на покое, — бормотал он себе под нос. — В военкомате должны это понять.

Пошел прямо к военкому.

Тот внимательно перечитал все, что ему дал Михаил.

— Так, — протянул он. — Вы хотите гораздо раньше указанного в медицинском заключении срока отправиться на фронт. Желание естественное. Такой человек, как вы, не может спокойно отсиживаться на месте, когда его товарищи делают большие дела. Но... к сожалению, ничего поделать не могу. В увольнительном удостоверении сказано — три месяца, а вы еще месяца, поди, не отдыхали.

— Ровно месяц, товарищ майор, — уточнил Михаил.— Увольнительное удостоверение, товарищ майор, написано — как врач сказал. А врач же — не бог. Я вон вместо

трех месяцев за один пришел в норму и вполне годен для фронта. Отпустите, товарищ майор... А не то сам уйду.

Военком нахмурился.

— Вы мне не грозите, товарищ сержант, не забывайте о дисциплине.

«Словно сговорились, — тоскливо подумал Михаил. — Что я сам не знаю, что ли, что такое дисциплина?»

Военком посмотрел на стоявшего перед ним навытяжку сержанта и улыбнулся.

Весь вид Михаила свидетельствовал, что принято твердое решение, от которого он не отступится: губы были плотно сжаты, глаза смотрели упрямо.

Военком постучал кулаком в стену. Дверь открылась, вошел начальник первого отдела.

— Оформите документ об отправке товарища Егорова с маршевой ротой на фронт, — сказал майор, передавая ему бумаги.

Лицо Михаила вспыхнуло от радости.

— Спасибо, товарищ майор,—взволнованно сказал он.

Тот протянул ему руку и дружески сказал:

— Счастливого пути, товарищ сержант.

Михаил вернулся домой таким радостным и счастливым, что мать даже не стала уговаривать его дожидаться срока. Она только всплакнула, прижавшись к нему, и прошептала:

— Ну что ж, Мишенька, ступай, коли душа велит. Удерживать не стану.

Михаил благодарно взглянул на мать и крепко ее обнял. Проведя вечер в кругу семьи, он на следующий день ранним утром в полной воинской форме, с вещевым мешком за плечами уже спешил в Рудню. Оттуда он поездом отправится дальше с маршевой ротой...

6

Была уже середина осени. Мокрый ветер раздувал полы плащ-палатки, мешая идти, но Михаил шагал молодцевато и быстро, словно освободился от какого-то внутреннего груза. Он был счастлив, и сердце его радостно открывалось навстречу окружающему миру. Он шел по той же дороге, по которой весной два с лишним года назад мальчишкой, предводительствуя полсотней

человек, уходил в партизаны... С того дня он стал взрослым и постоянно остро чувствовал добровольно принятую на себя ответственность за судьбу народа.

С Рудни начались испытания радостного, приподнятого ощущения жизни, которое наполняло Михаила.

Он рвался на фронт. Но дни тянулись в ожидании эшелона. А когда поезд двинулся по назначению, то часто простаивал на запасных путях. Мимо проносились составы с танками, пушками, боеприпасами. Ну что ж, на это обижаться не следовало. Оставалась только досада на вынужденное безделье. Михаила утешил бывалый солдат, слесарь-ленинградец:

— Значит, дело там на фронте не горит. В сорок втором, когда нас на юг отправляли, так быстрее стрелы мчались. Время другое было.

После выгрузки из эшелона немало пути пришлось идти пешком. Тут уж Михаил окончательно проверил себя. Проходил, не очень уставая, пятнадцать — двадцать километров, осенняя сырость никак не сказывалась, раны не давали себя знать.

Наконец — последний этап, где прибывших распределяли по частям. Михаил порозовел от стыдливой гордости, когда старший лейтенант, внимательно просмотрев его документы, сказал:

— В стрелковую.

С радостным чувством шел Михаил в колонне красноармейцев по ровному Варшавскому шоссе. Ему по душе были новые его товарищи — сибиряки, рослые, плечистые ребята, и прославленные сталинградцы.

Опять пришлось отмерить немало километров. С каждым днем все больше ощущалось приближение к фронту. Колонну то и дело обгоняли автомашины, груженные боеприпасами, самоходные орудия, санитарные повозки, обозы с продуктами для походных кухонь и бойцов и товарами для военмагов.

Шли вольно, курили, пели, разговаривали. Чего только не услышишь в этих солдатских разговорах: и жаркие политические споры, и религиозные диспуты, и мудрую народную философию, и о домашних делах поговорят, и боевое прошлое вспомнят...

Сбоку Михаила шагал сибиряк — дядя Василий, как его все звали, из киржаков.

— Что ты все молчишь, парень? — спросил он. — Хочешь, сказку расскажу?

И неторопливо начал:

— В некотором, слышь, царстве, в некотором государстве жил старик со старухою. Было у них пять сынов. Народ в той стране был работящий, жизнь свою строил, никого не беспокоил, добро свое множил, никого не тревожил. И жил, значит, по соседству ворог лютый, в злобу одетый, в зависть обутый. Ему не спалось, не елось — земель соседских хотелось. Вот он выбрал ночь потемней, напоил солдат попьяней, посадил их скорей в теплушки, смазал танки свои да пушки, запустил самолеты-птицы и пошел к соседней границе.

Дядя Василий окинул улыбчивым взглядом приставших к ним солдат, тоже захотевших послушать сказку, подмигнул им и продолжал:

— Увидел, однако, старик, что небо дымом взялось, огнем занялось, послал двух старших сынов на войну — защищать родную страну. Вот бьются-дерутся сыны, пишут письма с войны: «Бьем, батюшка, избиваем гада, только нам подмоги надо!» Посылает старик двух середних сынов. Вот бьются-дерутся сыны, пишут письма с войны: «Бьем, батюшка, избиваем гада, только нам бы подмоги надо!» Посылает старик младшего сына. Пятерых сынов, значит, старик отправил, а сам как пошел пахать да сеять, как пошел молотить да веять, как повез стране своей хлеба, только пыль взвилась до полнеба. Как сыны про отца узнали, пуще прежнего биться стали и, не молвя лишнего слова, прогнали ворога злого. На этом, братцы, сказка и кончается.

— Правильная сказка, — заметил шедший рядом гвардеец. — Уже гоним его, а скоро и совсем прогоним к чертям собачьим...

— Александр Невский сказал, — поддержал его старший сержант, — «Если кто с мечом к нам войдет — от меча и погибнет. На этом стоит и стоять будет Русская земля». Вот, брат, как...

Говорили и о выборе воинской специальности.

— Я опять за автомат возьмусь, — показывая, как он возьмется, заявил худощавый и низкорослый солдат. — Штучка легкая, маленькая, как раз по мне, а зато грозная.

— А я так, наоборот, за противотанковое ружье стою, — возразил коренастый широкоплечий боец. — Оно хоть и тяжеловато, да зато как танки на тебя двинут, можешь быть спокоен, только управляйся умело.

— Ну, а меня с «Максимом» не разлучишь, — отозвался пожилой сержант. — Третью войну он испытание держит, а лучше его нет.

Михаил мечтал опять стать разведчиком. Вот только возьмут ли? Это ведь ответственная профессия. Скажут, в партизанах разведчиком был, «языков» приводил? Это, мол, то да не то. Там немца где угодно подкараулить можно. А вот на фронте попробуй-ка.

— А что, ребята, разведчиков среди вас нету? — спросил Михаил.

— Тебе зачем, парень? — обернулся к нему шедший впереди солдат и, подождав Михаила, пошел с ним рядом. — Разведчиком, что ли, желаешь быть? Я-то не разведчик, а вот придем в полк, там их увидишь. Лихие, скажу тебе, ребята, особено грузин там один — Мелитон Кантария. Этот, брат, к вороньему гнезду подберется, птенцов из-под матки вытащит, а она и не услышит.

«Не примут, — огорченно подумал Михаил, — я так не смогу...»

Как ни томительно для Егорова ползло время, но вот уже подошли к расположению стрелкового полка, стоявшего на отдыхе. Командир колонны скомандовал:

— Смирно! Песенники, вперед!

С песней подошли к штабу полка, разместившемуся в доме лесничего в сосновом бору.

Выглянул адъютант, осведомился, пошел докладывать. Тотчас же вернулся и пригласил начальника колонны в штаб.

Через полчаса командир полка, плотно сбитый человек с тронутыми сединой висками и широким добродушным лицом, обходил строй. Он был доволен, что прибыло пополнение, внимательно вглядывался в бойцов, сердечно здоровался с вернувшимися в свою часть, знакомился с новичками. Дошла очередь до Егорова.

— Хочу в разведку, товарищ полковник, — несмело сказал Михаил.

— В какой части служили?

— Не служил еще, товарищ полковник, был в партизанском отряде.

— Э, тогда дело сложное. Нам разведчики нужны из особо отборных. Ну, раз уж есть желание, то потом посмотрим, когда получше познакомимся... Да, а почему же — сержант? — спросил он, уже отходя.

— Командовал у партизан отделением разведчиков, товарищ полковник.

— Фу, чудак! Так бы сразу и сказал. Значит, опыт есть, а в разведку как раз пополнение нужно. Как фамилия?

— Запишите, — обратился он к адъютанту, — послать к капитану Кондрашову.

Разведчики помещались в наспех залатанном ими сарае. Они раздобыли печурку, в которой сейчас весело потрескивал сушняк с сосновыми ветками. Народ дружный, общительный, они хорошо приняли новичка. Михаил, отвечая на расспросы о том, откуда он, как зовут, чем занимался, искал глазами грузина с непривычной для его слуха фамилией, которую он никак не мог вспомнить.

Узнав, что Егоров из Смоленщины, к разговаривающим подошел полулежавший до этого на охапке сена высокий, с серыми глазами на подвижном худом лице младший сержант.

— Ва, слушай, так мы же земляки! — весело воскликнул он, протягивая руку. — Давай познакомимся — Мелитон Кантария.

«А, вон он какой, — подумал Егоров, — совсем на грузина не похож. По выговору только...»

— Как же это земляки? — недоуменно спросил он, вслушиваясь в гортанную речь Кантария.

— Думаешь, грузин не может быть земляком? Ай, какой недоверчивый партизан. По боям земляки. Я в Смоленщине воевал, много сел и деревень проходил, может, и в твоей деревне был. Как же не земляки?..

Может быть, по закону контраста южанин и северянин — словоохотливый Мелитон и молчаливый застенчивый Михаил — как-то быстро сдружились. Кантария любил рассказывать о солнечной Грузии, о благодатной ее земле, о цветах и фруктовых деревьях, о целебных источниках... Он причмокивал, разводил руками, качал умиленно головой и закатывал глаза.

7

Капитан Кондрашов постоянно, во всякой обстановке учил своих разведчиков. В полную меру он использовал для этого время, отпущенное на отдых. Обычно несколько часов отводилось на тренировку в переползании, перебежке под огнем, бесшумном преодолении проволочных заграждений, ориентировке на местности, умелой маскировке, глазомере. Он добивался, чтобы каждый довел свои действия до автоматизма — так, чтобы мог сосредоточить все внимание на основном. Усиленно развивались у разведчиков такие качества, как умение быстро оценить обстановку, принять правильное решение, найти выход из трудного положения. Капитан заставлял то того, то другого описать предметы, которые он видел, когда отделение шло на учение, какое расстояние до них, какова их форма, окраска, сколько прошел изгибов дороги. Настойчиво учил, как разведчику держать себя на переднем крае: ни одна мелочь не должна ускользать от его внимательного взгляда. Выйдя на разведку, он должен запоминать, сколько видел машин и подвод, сколько прошел мостов, какие встретились подъемы и спуски. Приказывал незаметно подползать друг к другу и неожиданно набрасываться с тыла, применять приемы самбо, бесшумно разрезать проволоку, беззвучно передвигаться.

Постигая все это, Михаил понял, как несовершенна была его разведка в партизанском отряде и как трудна и вместе с тем увлекательна эта специальность в армии. Занятия Кондрашов проводил так, что они не были какими-то скучными уроками, а носили характер оживленной, занимательной игры. Нередко он рассказывал интересные случаи из боевой практики разведчиков, характеризующие их сообразительность и хитрость. Особенно запомнились Егорову два таких эпизода.

...Разведчик, подобравшись со своей группой к блиндажу, в котором сидели немцы, постучал по крыше. Это было, конечно, очень рискованно, но замысел простой: наверняка выйдут посмотреть, кто это там топчется наверху. Так оно и получилось. Разведчики захватили «языка», и когда оставшиеся в блиндаже забеспокоились по поводу долгого отсутствия своего товарища, наши бойцы были уже с ним далеко.

И другой случай.

Разведчики занялись тренировкой поросенка: привязывали его на длинную тонкую веревку и пускали вперед, а потом тянули веревку к себе. Когда поросенок возвращался, его подкармливали. Скоро он привык к этому и, как только его выпускали, сам бежал вперед, а стоило слегка потянуть за веревку, быстро бежал обратно. Когда подготовка была закончена, три разведчика отправились ночью «на работу». Подползли незаметно на сто метров к немцам и хорошо замаскировались. Утром пустили своего питомца к вражескому блиндажу. Случилось то, чего и можно было ожидать. Увидев поросенка, гитлеровцы стали его ловить. Разведчики дернули за веревку, поросенок побежал обратно, а за ним устремились хохочущие безоружные немцы. Двое из них были убиты, а двоих разведчики взяли в плен.

Такими рассказами капитан Кондрашов возбуждал у слушателей желание совершенствоваться, чтобы приобрести необходимые разведчику находчивость, сообразительность. Возникло даже своеобразное соревнование в умении перехитрить друг друга.

Михаил с увлечением отдавался занятиям и благодаря своим прирожденным способностям, к большому удовольствию капитана, добивался успехов. Однако это ему давалось с немалым напряжением, и он невольно завидовал Кантария, который легко и свободно проделывал все упражнения.

— Зачем тебе тренироваться?—спросил его Михаил.— Ты ведь и так все уже знаешь, мастер своего дела.

— Э, браток, — ответил Мелитон, — разведчику тренировка так же нужна, как самому опытному спортсмену или музыканту.

8

Егоров и Кантария все больше сближались. Еще в первые дни знакомства Михаил, выслушав все, что Мелитон рассказал ему о родной Грузии, как-то попросил его:

— Расскажи мне о себе, о своей жизни.

— Что ж, расскажу, — охотно ответил Кантария. — Только ты-то вот все молчишь, ничего я о тебе не знаю.

— Да уж такой я, — неопределенно ответил Михаил.

— Знаю, что такой, а все-таки мне все расскажешь, все из тебя, брат, выжму...

Разговор происходил в то время, когда разведывательная группа, возвращаясь с учения, сделала привал. Мелитон и Михаил немного отошли в сторону от остальных.

Чувствовалось уже приближение зимы, земля была стылой, сухой и твердой. Кантария, зябко кутаясь в плащ-палатку, стал рассказывать о себе.

Родился он в селе Джвари Цаленджинского района. Потом семья перебралась в село Агу-Бедия, недалеко от Очемчири в Абхазии.

— Какие там девушки, ай-яй! Ты бы увидел, в каждую бы влюбился, ей-богу!

Он рано женился, а в 1940 году пошел служить в армию. Все село участвовало в проводах. Пели хором песни. Ах, абхазские песни, пляски — с ума сойдешь! Отец тогда вспоминал, как его в царскую армию провожали— со слезами, с причитаниями, словно на каторгу.

Беспокоило сначала Мелитона, что русского языка не знал. Как команду выполнять, когда слов не понимаешь, как воинское дело изучать? Но ничего, обошлось как нельзя лучше. В полку, который стоял на западной границе, в Литве, встретили хорошо, отнеслись внимательно. Бойцы стали учить его русскому языку, и он скоро не только уже почти все понимал, но и сам начал разговаривать. А потом научился петь русские песни, плясать вприсядку и свои танцы показывал. А жене он писал: «Чувствую себя тут, как в родной семье; жаль только вот, что тебя нет, но о тебе все мои товарищи знают, а особенно мои друзья,—какая ты у меня хорошая и красивая». И слал приветы от них, называя каждого поименно.

— И вот — война. Спали, и вдруг пол в казарме задрожал, как при землетрясении. Выбежали во двор. Над головой ревели самолеты с черными крестами. Бросились к оружию. Восход солнца застал уже в окопах на берегу Немана.

— Этого, брат, никогда не забыть,—говорил Кантария, задумчиво глядя перед собой. — Понимаешь, на нас, необстрелянных, вдруг навалилась большая сила, отборные воинские части, которые прошли всю Европу. И прут, и прут. Разве сдержишь? Но паники не было, отступали с боями. Помню, как я первого фашиста убил. Выскочил он из-за куста, лицо белое, рыжие усы. На ходу обойму в автомате менял. Ну, я его тут и срезал пулей. Мой на-

чальник, капитан Желанов, хороший был, командовал четко, спокойно, как на учении. Три атаки отбили, сами ходили в контратаки. Они тогда на нас самолеты бросили. Мы правду сказать, растерялись — тут и там взрывы, воют бомбардировщики, пикируют прямо на окопы. Слышим команду:

— По вражеским самолетам — огонь!

— И пошла пальба—из винтовок, из автоматов, из пулеметов. Я тоже стал стрелять вверх из винтовки. И что ж ты думаешь, Миша? Подстрелили. Задымил вдруг один самолет и весь в пламени — книзу. Мы даже в ладоши захлопали... А дальше, сам знаешь, отступать пришлось. Висели над нами самолеты, нажимали танки, наступала пехота. До самого Смоленска так было. В городе разгорелись бои. Наш батальон прикрывал эвакуацию раненых на вокзале. Наседали на нас эсэсовцы. Вот тут меня и ранило осколком мины. Товарищи подобрали. Ну, а потом— госпиталь. Только зимой сорок первого я оправился и попал на Южный фронт, в низовье Дона. Тут меня что-то приметил командир разведки полка капитан Кондрашов, побеседовал раз-другой, спрашивает, какая меня воинская профессия интересует. Я тогда, кроме своей винтовочки, еще ручной пулемет любил. Профессия пулеметчика, говорю, меня интересует, лучше пулемета да еще винтовки оружия в мире нет. «А где,—спрашивает,— стрелять из винтовки научился, в полку?» Ну, как же, говорю, я с малолетства охотник, по горам лазил, коз бил, кабана выслеживал. «А как именно выслеживал, расскажите». Я ему, значит, рассказываю. Выслушал внимательно, а потом вдруг и говорит: «Так вот что, товарищ Кантария, отныне будете действовать главным образом холодным оружием, от пулемета придется отказаться». Я и глаза раскрыл. Ведь такая война! Все на технике построено, на механике да автоматике, а тут вдруг холодное оружие, как в старину на мечах дрались. Улыбнулся он на мое удивление и говорит: «Берем вас в разведку. Будете на охоту ходить. Только не на кабанов и коз, а за «языками». Работа тихая, деликатная. Понимаете?» Понимаю, говорю, товарищ капитан. А сам рад. Мне разведка уже давно нравилась. Жалко, правда, было с пулеметом расставаться. Уж очень я к нему привык. Но ничего не поделаешь, раз это не подходящее для разведчика оружие.

Затем пошло учение: борьба, кулачный бой, как действовать ножом, ползать по-пластунски, прыгать через рвы и заборы, как делать все быстро, сноровисто, бесшумно. Так вот я и стал разведчиком... Ну, с Дона нас перебросили на Кубань, куда немцы прорвались летом сорок второго. Потом фашистские горные части прошли ущельями через Кавказский перевал. Добирались даже до озера Рица, почти до самой моей родины Агу-Бедии. Целый год я здесь был разведчиком, бродил с товарищами в тылу у врага. Доставляли мы «языков», выслеживали огневые точки.

Мелитон задумался, перебирая в памяти прошлое. Михаил терпеливо ждал, искоса поглядывая на него.

— А вот в августе сорок третьего чуть было не погиб я совсем, — сказал Кантария. — Было это на Кубани. Немцев тогда к морю теснили. Нам, разведчикам, дали задание — достать «языка». Мы взяли одного пленного. Но фашисты нас заметили, стали преследовать. Меня тяжело ранило. Товарищи подхватили на руки, тащили, отбиваясь, и меня и немца. Сознавал я, что из-за меня могут все погибнуть, провалится и наш поиск. Бросьте, говорю, друзья, бросьте меня, все равно мне уже не жить. Так тогда Коноваленко, здоровенный такой казак с Терека, наклонился ко мне: «Ты, Мелитон, — говорит, — молчи и нам не мешай. Знаем, что делаем». Взвалил меня на плечи и один понес... С трудом отбились ребята от немцев и благополучно пришли к своим. Полгода я провалялся в госпитале. Когда выздоровел, решил во что бы то ни стало попасть в свою часть: друзья рядом— воевать легче. И нашел ее, несмотря, что трудно было: наши уже гнали тогда немца по всему фронту... Ну вот, пожалуй, и все обо мне. Если что вспомню, потом расскажу.

На следующий день, когда шли с учения, Мелитон сказал:

— Ну, Миша, теперь твоя очередь. Давай рассказывай о себе.

И Егоров с явной неохотой начал свое повествование. Говорил он скупо, но Кантария задавал «наводящие вопросы», в особенности когда речь зашла о партизанах, и рассказ Михаила получился довольно полным.

— Вот мы и совсем познакомились, — тихо сказал Егоров, когда кончил.

— Нет, еще не совсем,—серьезно ответил Кантария.— Как следует только в бою познакомимся...

И без видимой связи добавил:

— Знаешь, какой закон у нас? Ни шагу назад.

9

Полк, в который был зачислен Михаил Егоров, отдыхал в большой лощине, покрытой густым лесом, в двенадцати километрах от Вислы, по берегу которой тянулся наш передний край. На этом же берегу сравнительно небольшой плацдарм занимали немцы.

Полк пополнялся, шли занятия с бойцами. Разведчики тоже проходили общевойсковую подготовку. В первый же день учения капитан подозвал Егорова:

— А ну-ка, назовите точно это оружие, — сказал он, указывая на стол, где оно лежало.

— Это немецкий пистолет «вальтер», офицерский, а это немецкий автомат, товарищ капитан.

— Правильно. Разобрать и собрать автомат можете?

— Могу, товарищ капитан.

Быстро и ловко Егоров вынул все отъемные части, называя каждую, расположил их в нужном порядке на столе. Потом так же сноровисто собрал автомат.

Среди разведчиков послышалось:

— Молодец! Где это так навострился?..

— Разрешите ответить, товарищ капитан? — вытянулся Егоров.

— Отвечайте.

Михаил полуобернулся к товарищам:

— Партизаны оружие у фашистов добывали, им и воевали. Потому оно мне хорошо знакомо.

Так в занятиях, в обучении искусству боя, прошло несколько недель. И вот полк получил приказ — выдвинуться к Висле. Передвигались ночью. Бойцы были слегка возбуждены, как это бывает после отдыха, накануне боя. Оживленно переговаривались, делясь предположениями о предстоящем. Вдали через равные промежутки времени ухали орудия.

— Видно, в наступление пойдем, — полувопросительно сказал Михаил Мелитону.

— Непохоже, партизан, артиллерии и танков маловато.

— Вот именно, — поддержал сосед. — Перед наступлением их видимо-невидимо нагоняют.

У солдат свои приметы. Оказалось, просто сменяли уходящий на отдых и пополнение полк.

На другой день после того, как заняли позиции, капитан Кондрашов вызвал к себе Кантария и Егорова.

— Ну, друзья-Аяксы, надо достать «языка».

— Попробуем, товарищ капитан, — сказал Кантария. — Местность только плохо знаем.

— Ну что ж, используйте для ее изучения остаток светлого времени.

— Есть изучить, товарищ капитан.

— С вами пойдет сапер, подрежет проволоку. Минный проход сделан прошлой ночью нашими предшественниками, для них приказ об отдыхе был тоже неожиданным. Но сапер все-таки проверит, остался ли проход.

Старшим командир назначил Кантария, хоть и не по уставу — он был младшим сержантом, — но как более опытного разведчика.

— Вот там мы, Миша, пройдем, — показывал Мелитон из траншеи, — а обратно выйдем по той вон лощине. Видишь?

— Вижу, — отвечал Егоров. Он уже знал это обязательное правило разведчика: возвращаться другим путем.

— И помни, — добавил напоследок Кантария, — у врага все замечай, а сам оставайся невидимым.

Каждый взял с собой пистолет, три гранаты, финку.

Ночь — друг разведчика, в особенности, если она такая непроглядная, какой была в этот раз. Егоров впервые выходил в поиск с Кантария и втайне гордился, что капитан назначил и его, новичка.

Он полз за Мелитоном в двух-трех шагах, неясно его различая. Впереди Кантария бесшумно двигался сапер. Небо часто прорезали белые ракеты, разведчики замирали на месте, сливаясь с землей.

— Нервничают немцы, — тихо сказал, оборачиваясь, Кантария.

«Есть от чего нервничать, — подумал Егоров. — Небось, страшно—как бы в реку не скинули. Не спится, наверно, многим. А от этого и нам с Мелитоном труднее работать».

С помощью сапера преодолели первые заграждения— минное поле и проволоку. Сапер уполз обратно. Кантария и Егоров двигались вперед. Немцы продолжали жечь ракеты, которые ярко освещали местность позади разведчиков. Здесь же, около траншей, было темно. Неожиданно совсем рядом возник блиндаж. Около него можно было смутно разглядеть фигуру человека. Кантария и Егоров, не сговариваясь, поднялись во весь рост и навалились на него. Мелитон зажал немцу рот и приставил к груди нож, Егоров сунул в рот приготовленный кляп.

Из блиндажа вышел еще человек и крикнул:

— Курт!

Но Курт не мог отозваться—он был в надежных руках Кантария. Второй немец сделал несколько шагов и на этом окончил свой жизненный путь. Михаил вынул из его карманов документы, отцепил от пояса плоский немецкий штык и две гранаты.

Однако надо было спешить — в блиндаже могли всполошиться.

Двинулись в обратный путь.

— Шнель, шнель! — то и дело шептал Кантария пленному. Вспыхивали ракеты, разведчики падали, прижимая немца к земле. Он, толстый, неповоротливый, покорно полз вместе с разведчиками. Взмыла ракета. Когда она погасла, Кантария с досадой сказал:

— Сбились с пути, дьявол!

Вместо намеченной днем лощины попали на «ничейное» поле. Снова взвилась ракета, трепетно, но ярко освещая местность. Едва разведчики с немцем упали, как раздались выстрелы. Но... с нашей стороны. Немцы ответили. И разведчики очутились между двух огней. Короткими очередями заработал наш пулемет. Кантария подавал фонариком условные сигналы, но их не понимали, и пальба продолжалась.

— Свои — разведчики с «языком»! — крикнул во весь голос Кантария. Огонь прекратился.

— Чуть было не угробили, черти полосатые, — ворчал Мелитон, перетаскивая пленного в траншею.

Выяснилось, что вышли не к той роте, которая была предупреждена о разведчиках.

Парторг, широкоплечий старший сержант, Илья Сьянов примирительно сказал:

— Не сердитесь, разведчики. За успех — по чарке. Каша с мясом на закуску.

— Спасибо, некогда. «Продукт» у нас скоропортящийся, — кивнул Кантария на пленного, — быстрее сведения от него надо добыть.

— Это верно. «Продукт» ваш без промедления командиру нужен, а то неизвестно, что завтра будет.

Капитан Кондрашов похвалил за «языка» и приказал отдыхать.

Занималось утро, когда разведчики вышли из землянки капитана.

— Вот теперь-то мы познакомились, Миша, — сказал Кантария. — Ты молодец. На тебя положиться можно.

— Мелитон, а кто такие друзья-Аяксы?—неожиданно спросил Михаил. — Давеча-то капитан нас назвал.

— Тебя тоже заело, — усмехнулся Мелитон. — Я уже спросил капитана. Это два таких древних греческих воина были — неразлучные друзья, вместе лихо воевали.

И мечтательно добавил:

— Хорошо один военкор — поэт Семен Кирсанов в армейской газете написал. Я запомнил четыре строчки. Вот:

В дыме ущелия узкого,
У ледяной седины
Руки грузина и русского
Дружбой соединены.

— Это когда мы Кавказ защищали... А теперь вот у нас с тобой так.

С этих пор крепким узлом завязалась дружба двух разведчиков. Она крепла в боевых испытаниях, когда так плотно и надежно ощущается плечо заботливого друга.

10

В январе 1945 года из дивизии передали приказ — форсировать Вислу.

На этот раз солдатские приметы не оправдывались: техники опять не хватало. Находили объяснение в том, что надо, очевидно, торопиться с освобождением Польши, по политическим или другим каким соображениям, неведомым солдатам. Но истинная причина поспешного перехода наших войск в наступление выяснилась позже. Гитлер, сосредоточив в Бельгии крупные силы, развернул широ-

кие наступательные операции в Арденнах против наших англо-американских союзников. Создалась угроза полного поражения союзнических войск. Английский премьер-министр Черчилль обратился к Советскому правительству с просьбой спасти положение: отвлечь немцев, начав немедленно наступление, которое намечалось на месяц позже. В конце января и начале февраля советские войска прорвали Вислинский оборонительный рубеж и с ожесточенными боями вошли в Варшаву.

В бою за Варшаву Кантария был ранен — не тяжело, но врач, боясь осложнения, решил отправить его в тыл. Мелитон взмолился:

— Товарищ старший лейтенант, я — недавно из госпиталя. Еле-еле догнал свой полк. Неужели я снова должен отстать от него?

Врач был непреклонен. Тогда, по просьбе Кантария, Егоров, навещавший друга, обратился за помощью к капитану Кондрашову. Тот сходил в медсанбат и убедил врача оставить разведчика долечивать свою рану на месте.

Советская Армия, действуя бок о бок с возрожденным народным Войском Польским, уверенно развивала наступление. Все больше польских городов и сел очищалось от немцев. С радостью встречали поляки освободителей. Это вливало новые силы в наших воинов, они неудержимо рвались вперед.

Конец зимы ознаменовался этим стремительным наступлением. Сокрушительные удары привели к разгрому крупных группировок немцев. Советская Армия пересекла рубежи Померании, Силезии, Бранденбурга.

Солдаты батальона все чаще заводили разговоры о столице Германии. Она мерещилась впереди как символ окончания изнурительной войны, возвращения к родным, мирным очагам.

— Дорог-то впереди много, — говорил один солдат, — а путь для нас один — на Берлин.

— Река Одер позади, Берлин впереди, — вторил ему другой.

— В Берлине наши бывали, побываем и мы, — поддерживал третий.

— Видно, придется именно нам брать Берлин, — сказал Егорову Кантария, прислушивавшийся к этим разговорам. Оба они смазывали автоматы.

— А ты не хочешь? — не поднимая головы, усмехнулся Михаил.

— Ой, как хочу! — пылко воскликнул Мелитон. — Но я еще и другого хочу, Миша.

— Хочешь — Знамя, — догадался Егоров.

— Правильно говоришь, Миша. И кому-то его дадут?

— Многим дадут, не беспокойся.

О Знамени Победы, которое, по заданию Верховного Командования, предстояло водрузить над рейхстагом достойнейшим из солдат, мечтали все — стрелки, танкисты, артиллеристы, саперы, разведчики, связные.

— Дадут-то многим, — сказал сокрушенно Кантария, продолжая разговор, — но вот нам-то с тобой, Миша, вряд ли.

— Это почему же?

— Мы с тобой и в Берлине, верно, будем добывать «языков». Уж такая наша, брат, специальность, а другие в это время и водрузят Знамя.

Михаил молчал, неторопливо смазывая автомат. То, о чем говорил Кантария, волновало и его. Но он не хотел этого показывать. В минуту сомнений важно ободрить друга.

— А знаешь, Мелитон, — сказал он тихо, — кто бы это ни сделал, все равно каждый из нас скажет: мы водрузили!..

11

Настал день, когда командир корпуса вызвал к себе командиров дивизий, полков и батальонов. Разными путями, стараясь не попасть под обстрел, пробирались они к блиндажу штаба. Шли с хорошим предчувствием. В глубокой лощине встретились офицеры стрелковой дивизии — капитан Неустроев и гвардии старший лейтенант Самсонов.

— Ну что, пойдем в решительный? — здороваясь, сказал Неустроев.

— Да, кажется, пришла пора.

Они были командирами батальонов из разных полков, но, часто действуя рядом, хорошо знали друг друга. Теперь их батальоны располагались здесь на плацдарме.

Степан Андреевич Неустроев — комсомолец. До армии работал токарем. Основы военного дела изучил в Осоавиахиме. На войне стал командиром батальона.

Константин Яковлевич Самсонов — коммунист, москвич, метростроевец. Война застала его на Дальнем Востоке, где он проходил военную службу. Окончил полковую школу, потом офицерские курсы. В бою под Курском летом 1943 года был тяжело ранен.

— Вам нельзя воевать с поврежденным легким,—сказали ему в военкомате. — Мы вас демобилизуем.

Но Самсонов настоял, чтобы его отправили на фронт.

Почти у самого блиндажа командира корпуса Неустроева и Самсонова догнал майор Василий Иванович Давыдов, тоже командир батальона. Войдя в просторный блиндаж и доложив генералу о прибытии, они уселись рядом.

— Кажется, мы не ошиблись,—шепнул Неустроев Самсонову. — Генерал что-то весело встречает офицеров.

— Похоже, — ответил Самсонов, нервно поглаживая колено рукой.

Генерал встал, дружески оглядел собравшихся, помолчал. Потом торжественно объявил:

— Мне приказано сообщить вам, товарищи, что Верховное Главнокомандование Красной Армии приняло решение о переходе в наступление.

В настороженной тишине непроизвольно грянули аплодисменты. Не принято в армии хлопать в ладоши в ответ на боевой приказ. Но генерал не удивился, он сочувственно улыбался. Как все ждали этой минуты!

— Нам выпало счастье, — продолжал генерал, — захватить Берлин и водрузить над рейхстагом Знамя Победы. Об этом сказано в приказе маршала Жукова, который прошу вас сейчас выслушать.

И он прочел приказ, в заключении которого говорилось: «Кровью завоевали мы право штурмовать Берлин и первыми войти в него. Я призываю вас выполнить эту задачу с присущей вам воинской доблестью, честью и славой».

С волнением рассматривали офицеры карты Берлинского района, розданные им по приказанию генерала. Поставив перед каждым боевую задачу, командир корпуса сказал:

— Как видите, берлинский рейхстаг находится в полосе наступления нашего корпуса. Особенно прошу учесть это обстоятельство Неустроеву, Самсонову и Давыдову...

Командиры возвращались в свои подразделения возбужденными.

— Итак, ночью мы должны объявить приказ всему личному составу, — сказал Неустроев. — Но любой солдат, только взглянув сейчас на нас, сразу все поймет.

— Точно, — подтвердил Самсонов. — Так же, как поняли мы, увидев генерала.

На плацдарм, отвоеванный на западном берегу Одера, непрерывным потоком двигались войска — пехота, конница, танки, артиллерия, в огромном количестве — боеприпасы, нескончаемые обозы.

12

В апреле 1945 года советские армии трех фронтов устремились вперед на берлинском направлении.

Естественные преграды в этом районе — реки, озера, каналы и лесные массивы — дополнялись заграждениями — минными полями, колючей проволокой, противотанковыми рвами и надолбами. Вся местность Одерско-Нейсенского укрепленного района была изрыта траншеями. В этом густо заселенном крае каждый населенный пункт был превращен в сильный оборонительный узел. Общая глубина Одерско-Нейсенского укрепленного района, включая и Берлинский, исчислялась в сто километров. Здесь было сосредоточено большое количество хорошо вооруженных воинских частей, много артиллерии, минометов, танков. Перед 1-м Белорусским фронтом стояла полумиллионная армия с пятью тысячами орудий, девятьюстами танков, с многочисленной авиацией.

Огромная вражеская сила ожидала советские войска, закопавшись в землю, опоясанную рядами проволочных заграждений, минными полями, глубокими рвами.

До Берлина оставалось семьдесят километров...

Шестнадцатого апреля перед рассветом в артиллерийских подразделениях и частях по всем проводам раздалась сдержанно-взволнованная команда:

— К бою!

Сняли чехлы с орудий. С волнением, с суровой гордостью стояли возле них артиллеристы. На них смотре-

ли тысячи глаз. Командиры приникли к трубкам полевых телефонов.

— Угломе-ер...

Команду заглушил раскатистый грохот, протяжный, грозный, волнующий напев «катюш». Огненные трассы осветили позиции врага. И вслед тысячеголосым залпом грянула артиллерия. Содрогнулись земля и воздух. Тысячи орудийных вспышек разрезали предрассветную мглу. Огневой ураган понесся на запад.

А в небе эскадрилья за эскадрильей — тройками и девятками — гудели советские самолеты.

Бойцам казалось, что они оглохли. Егоров кричал Кантария:

— Силища-то какая!

Огненные валы сокрушительными смерчами мчались один за другим на Берлин.

— Дрожи, Гитлер! — потрясая кулаком, прокричал Кантария, счастливыми глазами впиваясь в горизонт. Но в грохоте орудий не услышал даже собственного голоса.

Полчаса бушевал огненный ураган. Горизонт постепенно розовел, потом запылал заревом пожаров.

И вдруг это зарево исчезло, но оно не погасло. На западе над Берлином оно продолжало полыхать и разрасталось. Внезапно с востока разрезал тьму ночи необычайно яркий свет. Это выдвинутые вдоль всего советского фронта сотни прожекторов посылали в наступление свои длинные белые мечи.

Весь этот ослепляющий поток хлынул в сторону ошеломленного врага, освещая на несколько километров вглубь его оборону. Вся местность предстала как на ладони: каждый кустик, каждая рытвина, траншеи немцев за густыми рядами проволочных заграждений, черная кайма леса, над которым неподвижно висели наши аэростаты, корректируя огонь артиллерии.

Уже перед самым рассветом в небо вертикально вонзился сноп белых лучей. Это означало: «Прекратить артподготовку, начать сопровождение пехоты огненным валом». Наступила гнетущая тишина, от которой заломило в ушах. Потом взвились красные ракеты—сигнал к общему наступлению. И снова, как грандиозный обвал в горах, повторенный тысячекратным эхом, загромыхала советская артиллерия.

Советские бойцы с криками «Даешь Берлин!» ринулись в атаку.

Комсомолец Золотаренко воскликнул:

— На Берлин! За Родину!

И выскочил из окопа с красным флагом. За ним бросились Егоров, Кантария, вся их рота. Высоко подняв флаг над собой, Золотаренко первым подбежал к вражеским траншеям и метнул туда три гранаты, крикнув:

— Держись, гад! Гвардия идет! Сталинградцы идут!

Громыхали грозные танки «ИС», «Т-34». По наведенным переправам сплошным потоком двигались войска.

Передний край обороны противника был захвачен. Здесь наши бойцы увидели результаты невиданной артиллерийской подготовки. Почти все вражеские пушки были разворочены, беспомощно торчали прутья железной арматуры. Приготовившиеся к контратаке «тигры» и «пантеры», накрытые залпами «катюш», так и остались на месте подбитыми и сгоревшими. Всюду были убитые и раненые. Оставшиеся в живых, как кроты, забились в ямы или вниз лицом лежали в траншеях. Потрясенными, обезумевшими их вытаскивали оттуда.

Егоров и Кантария извлекли первых таких «кротов». Подняв руки, они что-то бормотали. Старшина Вячеслав Иванов из батальона Самсонова, понимавший по-немецки, перевел:

— Говорят: «Хуже ада советская артиллерия. А это новое русское оружие — лучи — колоссально! Мы были ослеплены».

Немецкий офицер, которого Егоров и Кантария уводили в штаб, процедил сквозь зубы:

— Сильная у вас артиллерия.

— То-то, — сказал Кантария.

Уже давно рассвело, но лучи солнца с безоблачного неба не достигали земли: над ней стлался густой синеватый туман пороховых газов.

13

Первым же броском наши войска прошли три ряда траншей и на два километра вклинились в неприятельскую оборону.

К полудню немцы опомнились. Заговорили их дальнобойные и ближние орудия, минометы, полетели фауст-

патроны. У безымянных высот вражеский огонь прижал батальон Самсонова к земле.

Комбат доложил по полевому телефону в штаб полка об обстановке и попросил помощи. Увидев, что советский батальон в тяжелом положении, немцы пошли в контратаку. Их цепи перебежками двинулись к правому флангу. Самсонов послал туда два расчета со станковыми пулеметами. Один расчет погиб от прямого попадания немецкого снаряда, но другой, которым командовал старший сержант Гришанов, ударил по врагу из пулеметов. Первые ряды атакующих были уничтожены, остальные — залегли. Гришанов переменил позицию и меткими очередями разил врага. Гитлеровцы не выдержали и стали отходить.

Тогда на пулеметный расчет двинулась немецкая самоходная пушка. Подходя все ближе, она непрерывно стреляла. Это был неравный поединок, и в нем смертью храбрых пал Гришанов.

Немцы дрались яростно. Наши войска продвигались теперь медленнее, но неотвратимо, взламывая оборону, захватывая траншеи за траншеями, овладевая населенными пунктами.

Разведчики и тут добывали нужные командирам сведения. Несколько «языков», давших ценные показания, привели Егоров и Кантария. На третий день наступления старшина Иванов притащил штабного немецкого офицера. Тот сообщил, что Гитлер снял с Западного фронта две армии, действовавшие против англо-американцев, и направил их на оборону Берлина. Фюрер призвал свои войска продержаться еще только один день, и тогда наступит перелом. Русские будут не только остановлены, но и отброшены за Одер.

Ночью к Самсонову привели необычного пленника. Это был пожилой человек в гражданской одежде.

— Прошу понять меня правильно, — сказал он. — Я не предатель. Я патриот Германии. Но я ненавижу Гитлера и верю в здравый ум русского народа. Я уверен, что вы не хотите уничтожения Германии и немецкого народа.

Самсонов ответил, что позиция русских в этом вопросе известна всему миру: мы хотим возрождения Германии как демократической страны и добрососедских отношений с немецким народом.

— И вот я пришел сказать, — продолжал немец, — что вам грозит опасность. Из Берлина прибыли немецкие моряки. Я узнал, что они собираются атаковать вас в четыре часа утра. Когда я уходил сюда, моряки сосредоточились в лесу, а артиллеристы сняли чехлы с орудий.

Комбат поблагодарил немца. Возникло, конечно, сомнение — верить или нет?

— Я ему верю, товарищ старший лейтенант,—сказал Иванов. — Ведь он рисковал жизнью, пробираясь к нам.

И Самсонов доложил командиру полка.

Немец-антифашист не обманул. Морской отряд действительно пришел. Его «радушно» встретили «катюши»: уцелело только семьдесят моряков, взятых в плен.

14

Советские войска методически продвигались вперед, в жестоких боях выбивая немцев из укрепленных пунктов, преодолевая бесчисленные водные рубежи, прочесывая леса, оставляя позади господствующие над местностью высоты.

Непрерывно гремела канонада. В небе стаями носились немецкие и советские самолеты, сшибались в воздушных схватках, полосовали взрывами бомб и без того уже израненную землю, калечили и убивали сотни людей. «Тигры» и «пантеры» выходили в контратаки, но их подбивали, сжигали. Советские танки «Т-34», могучие «ИС» шли через немецкие траншеи, подминая под себя блиндажи. Наши части непрерывно пополнялись людьми, вооружением, продовольствием.

«Впереди Берлин, ускорь шаг!» — прочитал Егоров в листовке-молнии «Передай по цепи», полученной от соседа, и протянул маленький листок газетной бумаги Кантария. Друзья лежали в окопах, ожидая сигнала к атаке. Кантария пробежал глазами листовку и передал ее соседу.

Перед бойцами на расстоянии семи-восьми километров вырисовывалась гряда Зееловских высот. Это был естественный барьер на подступах к Берлину, сильнейший опорный пункт немцев на востоке, командовавший над поймой Одера. Его оборона простиралась на большую глубину — до самой германской столицы. На высо-

тах заняли позиции свежие части противника. Крутые скаты изрезаны траншеями, укреплены дзотами. Подступы к обороне прикрывали минные поля, впереди них несколько рядов колючей проволоки. Взять с ходу этот укрепленный район было нелегко. Нашим войскам пришлось и днем и ночью вести здесь кровопролитные бои.

В конце апреля советские войска взломали всю систему оборонительных сооружений противника на реках Одере и Нейсе и разгромили брошенные немецким командованием в бой крупные резервы. В результате стремительного движения с разных сторон армий трех фронтов действовавшие на берлинском направлении немецкие войска, численностью около двухсот тысяч человек, были окружены.

Притихшая Германия встречала советских воинов в городах и селениях трепетанием выставленных в окнах, на балконах, на заборах белых «флагов» — простынь, полотенец и салфеток — символом покорности и просьбы о пощаде.

Вначале большинство жителей, оглушенных злобной фашистской пропагандой, поспешно бежало из домов при первой вести о приближении русских. Впопыхах бросали все свое имущество. В осиротевших деревнях и фольварках мычали оставленные на произвол коровы, жалобно блеяли козы. Картина была безотрадной.

— Что мы, фашисты, что ли? — возмущаясь, говорил Мелитон Михаилу. — Чего они, дураки, нас боятся?!

Но потом оказалось, что «большевистские варвары», не в пример бывшим захватчикам русских земель, гуманно и великодушно обращаются с населением, подкармливают из собственных походных кухонь голодных и, что особенно подкупало, трогательно относятся к детям. Вести об этом быстро распространились среди местных немцев. Рассказывали о таком поразившем их факте.

В одном населенном пункте, захваченном русскими, в большой детской больнице лежало много ребят, голодавших уже несколько дней. Узнав об этом, командир советского полка приказал обеспечить их питанием на две недели. Восторженному, радостному изумлению директора и медицинского персонала не было границ, когда из полка доставили в больницу рис, сахар, молоко, хлеб и даже четыре дойные коровы!..

Жители начали возвращаться. Многие уже оставались в занимаемых советскими частями городах и селах.

А по дорогам в кюветах торчали разбитые немецкие пушки, высокие искалеченные фургоны, автомашины. Навстречу советским бойцам шли разноплеменные пленники принудительного труда, двигались группы бежавших из концлагерей, и радостно на всех европейских языках звучали восторженные приветствия освободителям. Много встречалось русских. Они шагали гордые, счастливые, со слезами радости на глазах целовались с родными советскими воинами. В одной группе русских был француз. Старший сержант Жвончик через переводчика спросил его:

— Почему вы идете с русскими? Разве ваша родина на востоке?

Тот ответил:

— Моя родина на западе, но жизнь вернулась ко мне с востока.

А Берлин неотвратимо приближался. По ночам на западе над ним мерцало зарево пожаров, зажженных нашей авиацией.

Чем ближе становился Берлин, тем ожесточеннее и неистовее разгоралось генеральное сражение. На дальних и ближних подступах к немецкой столице советские войска встречали заградительные пояса с траншеями, железобетонными дотами, противотанковыми надолбами, с огромным количеством огневых средств — орудий, шестиствольных минометов, крупнокалиберных пулеметов на турелях, автоматов, фаустпатронов.

Могучие советские танки прогрызали всю эту сложную систему обороны; пехота двигалась за ними с несокрушимой твердостью; оборонявшиеся, не выдерживая этого натиска, отходили, цепляясь за новые рубежи.

Уже стала ощущаться непосредственная близость Берлина. Бойцы вышли на широкое шоссе.

— Добрались, — с чувством глубокого удовлетворения сказал Михаил Егоров. — Посмотри, Мелитон.

На башенке красовался герб Берлина: на серебряном поле черный медведь и два орла: рурский — черный и бранденбургский — красный. Под гербом был прибит

фанерный щит. На нем кто-то начертал по-русски: «Вот он, Берлин, — логово фашистского зверя».

Мелитон только молча обнял друга за плечи.

Все чаще стали встречаться населенные пункты. Потом они слились в сплошные линии кварталов. На домах среди реклам пестрели фашистские лозунги, призывы. Назойливо лезло в глаза: «Berlin bleibt deutsch»*. В это безобидное утверждение, против которого возражать не приходилось, фашисты вкладывали свой смысл.

— Немецким-то он остается, не протестуем, — сказал старшина Иванов, переведя эту надпись товарищам, — но вот фашистским — нет. Об этом уже мы позаботимся.

Роте Егорова и Кантария приходилось с ходу форсировать речки и каналы, опоясывающие Берлин. Это было трудно делать, когда вода кипела кругом от вражеских пулеметных и автоматных пуль, фонтанировала от разрывов снарядов. Там, где не было брода, приходили на помощь саперы. Они сноровисто, быстро и мужественно выполняли свое смертельно опасное дело.

15

До самого Берлина оставалось десять-двенадцать километров.

Немцы превратили обширный город и его ближайшие окрестности, прорезанные рекой Шпрее, ее притоками, многочисленными озерами и каналами, в невиданную по размерам, по изощренности оборонительных сооружений, поистине неприступную крепость. Город был разбит на три кольцевые защитные полосы: внешнюю, внутреннюю и центр. Гитлер приказал: «Оборонять Берлин до последнего человека!» Фашисты провозгласили лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам, чем пустить в него русских!» Были распущены слухи, что «фюрер» снимает для защиты столицы несколько дивизий с Западного фронта, что скоро поступит на вооружение новое секретное оружие, которое «истребит всю советскую армию».

Начиная от пригородов Берлина и дальше — к центру, оборона становилась все насыщеннее. К Александерплатцу она уже была сплошной, покрывая плотной сетью со-

* «Берлин остается немецким!»

оружений площади, улицы и переулки. Переплетения колючей проволоки, противотанковые рвы и надолбы, мощные баррикады, противостоявшие тяжелым снарядам, с рельсами, вкопанными в землю, заложенными железными шпалами и засыпанными камнем и песком, поваленные автобусы и вагоны трамваев, железный лом, нагроможденные деревья — все это преодолеть, казалось, не было никакой возможности.

Все большие здания были превращены в опорные пункты, соединенные подземными ходами. Использовались глубокие подвалы и сеть метро для скрытого маневрирования воинских частей.

Однако гитлеровцы применили для обороны ошибочную тактику, быстро разгаданную и в значительной степени обезвреженную советским командованием. Они сосредоточили внимание на открытых пространствах — улицах и площадях — и ожесточенно били по ним из оружия всех видов, пытаясь максимально воспрепятствовать продвижению советских войск. А наши бойцы, искусно маневрируя (помогал богатейший опыт уличных боев на территории своей страны), шли не по улицам и площадям, а по дворам, просачиваясь в подвалы, пробивая бреши в стенах домов.

Наступление развивалось планомерно и стремительно. За один только день двадцать седьмого апреля в наших руках было уже много кварталов, и атакующие приблизились к центральному району города. В последующие дни развернулись ожесточенные бои за этот район, в котором находился и рейхстаг.

Двадцать восьмого апреля оборона Берлина представляла собой тянувшуюся с востока на запад узкую полосу длиной шестнадцать километров, шириной два-три километра. По этому островку упрямого и бессмысленного сопротивления била наша артиллерия разных калибров, его бомбили и обстреливали из пулеметов наши самолеты. Все немецкие аэродромы были уже захвачены советскими войсками. Гитлеровцы, в отчаянных попытках оттянуть час своей гибели, выкатили свои самолеты на широкую улицу Шарлоттенбургштрассе и попробовали организовать вылеты. Но советские бомбардировщики и артиллерия тотчас же превратили самолеты в груды обломков. Танки и пехота неумолимо сжимали кольцо окружения.

Двадцать второго апреля батальон Самсонова занял большой стадион Берлина. С этого дня он бок о бок с батальонами Неустроева и Давыдова повел жаркие бои на улицах столицы. Схватки кипели в парках, скверах, подвалах, на крышах домов. Гитлеровцы бешено сопротивлялись. Стреляли отовсюду, из каждой щели. Но советские танки, самоходки, бойцы неудержимо продвигались вперед, отвоевывая каждый дом, оставляя позади себя кварталы, площади, городские районы.

Командный пункт командира корпуса находился теперь в подвале старинного особняка. Сюда вечером двадцать восьмого апреля генерал вызвал Самсонова, Неустроева и Давыдова и приказал им наступать на рейхстаг.

Самсонов внимательно рассматривал карту, лежавшую у генерала на столе. До рейхстага не так еще близко. На пути — ряд укрепленных районов и три значительных препятствия: тюрьма Моабит, мост через Шпрее и «дом Гиммлера». Ориентироваться в огромном чужом городе не просто. В схватке, в бою свернешь в какой-нибудь переулок и собьешься с направления. Словно угадав, о чем думает старший лейтенант, генерал сказал:

— Даю вам проводника, который знает Берлин, как свои пять пальцев. Познакомьтесь, — представил он скромно сидевшего в углу человека в штатском костюме. — Это наш верный друг антифашист товарищ Карл Детингер...

Особенно трудно было форсировать реку Шпрее. Батальоны Самсонова, Неустроева и Давыдова вышли к мосту Мольткебрюкке Младший через Шпрее, в самом центре города. Мост забаррикадирован, подступы к нему под шквальным огнем. Не ловушка ли это?.. Переправляться вплавь невозможно: цементированные берега круто поднимаются до трех метров в высоту.

Как всегда, нашлись храбрецы. Старший сержант Кудашев, сержант Калата, ефрейтор Белаковский и красноармеец Абрамян, испросив разрешение, быстро перебежали мост. За ними тотчас же двинулись батальоны, подошли тяжелые танки. Командир полка приказал артиллеристам бить прямой наводкой по окнам подвалов и нижних этажей, где находились вражеские огневые точки.

Ураганный огонь наших орудий и минометов обрушил-

ся на прибрежные дома на той стороне Шпрее. Все заволокло пылью. Как раз это и нужно было: противник не видел, что делается на мосту. Саперы быстро его разминировали и танки переправились по мосту. Последняя водная преграда была преодолена.

К Самсонову подошел Карл Детингер.

— Сейчас перед нами будет здание гестапо, — сказал он, сдерживая волнение. — Страшный дом пыток, где томились в ожидании смерти антифашисты. Берлинцы назвали его «домом Гиммлера»—нашего главного палача.

Он помолчал, потом дотронулся до плеча командира.

— Здесь засели эсэсовцы — гвардия Гитлера. Бой будет жестокий. Разрешите мне войти в этот проклятый дом вместе с вами. Я хочу первым из немцев отомстить гестапо за то великое зло, какое причинило оно нашему народу.

Самсонов выполнил просьбу и дал ему русскую трехлинейную винтовку. Он проникся уважением к этому храброму и мужественному борцу, всем сердцем верящему в новую Германию.

Почти сутки пришлось задержаться здесь на прилегающих улицах. С отчаянием смертников дрались гестаповцы. В самом здании, в мрачных его подвалах, в комнатах вспыхивали ожесточенные схватки. Противники душили друг друга, дрались кулаками, ногами.

Наконец зловещий дом был взят.

17

Командир разведывательного взвода, находившийся при штабе полка, послал Егорова с пакетами в «дом Гиммлера». Михаил с автоматом наготове подземными ходами сообщения, которых так много в Берлине, по дворам и по улицам, держась у стен полуразрушенных зданий, пробрался в бывшее гестапо. Здесь уже прочно закрепились батальоны Самсонова и Неустроева, хотя стычки еще продолжались в подвалах. В ожидании ответа Егоров присел на ящик в углу большой комнаты, пол которой был густо усыпан пеплом от сожженных гестаповцами личных дел. Комната носила следы яростного побоища — окна были выбиты, стены забрызганы кровью.

Сейчас здесь отдыхали красноармейцы; у стены лежало трое раненых, которых еще не успели снести в медсан-

4 Зак. 416

бат. Вошел старший лейтенант. В руке у него был свернутый на древке красный флаг.

После команды «Встать! Смирно!» офицер позвал:

— Младший сержант Еремин, рядовой Савенко!

— Здесь! — Оба подошли к нему.

Самсонов развернул алое полотнище со звездой и серпом и молотом.

— Это Знамя Победы, — громко, чтобы все слышали, сказал он, — должно развеваться над рейхстагом. Вручаю его вам.

Бойцы бережно приняли Знамя.

«Вот уже стали выделять знаменосцев. Об этом говорили еще на Одере,—подумал с беспокойством Егоров.— Надо спешить к себе».

Получив от Неустроева пакеты, он выбежал из комнаты, стремглав перемахнул через мост, а потом, забыв о дворах и подвалах, понесся прямо по улице, перескакивая через балки, воронки и другие препятствия на пути. В него откуда-то стреляли, какой-то немец в солдатской каске и гражданском пальто с фольксштурмовской повязкой на рукаве, взмахнув руками, кинулся от него прочь...

Запыхавшись, Егоров подбежал к развалинам еще курившегося дома, среди обугленных стен которого разместились разведчики. На груде битых кирпичей сидел, опираясь на автомат, Кантария. Егоров торопливо сообщил ему о начавшейся выдаче знамен. Но к его удивлению Мелитон ничем не проявил интереса к этому. Егоров даже растерялся. Сколько раз Кантария восторженно начинал разговор о красном флаге над Берлином, а теперь, когда пришло время водрузить Знамя, вдруг охладел.

— Понимаешь, Мелитон, Знамя над рейхстагом! — потряс Михаил друга за плечи.

— Слышу, — нехотя отозвался Кантария.

Михаил всмотрелся в расстроенное лицо товарища.

— Да в чем дело, скажи толком, болен ты что ли?— уже с тревогой спросил он.

— Ничего особенного, Миша, — досадливо сказал Кантария. — Просто знаменосцами нам с тобой не быть. Командир полка их сам намечает, и наш капитан ничего добиться не может.

Оказывается, почти все разведчики уже побывали у капитана Кондрашова, и каждый просил именно ему доверить Знамя Победы. Сначала капитан внимательно их

выслушивал, но когда под конец с такой же просьбой обратился Кантария, он сердито оборвал его:

— Да вы думаете о чем или нет? Весь взвод — в знаменосцы! А кто же будет разведку вести и фашистов бить?

Лицо Егорова выразило одновременно и испуг и удивление. Неужели все потеряно?

— Вот, — не глядя на друга, зло сказал Кантария.— Ждали, ждали и — крышка.

— А может, еще что выйдет, — Егоров явно хотел успокоить и его и самого себя.

— Может, — передразнил Кантария. — Надейся.

— А чего серчать-то, Мелитон? У каждого ведь свое дело есть. Не всем же быть знаменосцами!..

Кантария что-то невнятно пробормотал.

— Не расстраивайся, Мелитон, — продолжал успокаивать Егоров.—Ведь мы же в Берлине! Вспомни-ка, что ты думал, когда фашисты к твоей Агу-Бедии подходили...

Видимо, Егоров достиг своей цели. Кантария ласково поглядел на него.

— Ничего,—утешил Михаил,—мы еще попробуем. Идем, хочешь? Буду передавать донесение и—к слову, а?

Мелитон безнадежно махнул рукой. Егоров пошел к командиру. Капитан тотчас же взял телефонную трубку и соединился с командиром полка.

— Товарищ Тридцать три? Донесение от комбатов получено. Передать по телефону? Слушаюсь.

И прочел, улыбнувшись в конце: «В двенадцать ноль ноль ворвались в «дом Гиммлера». Осваиваем успешно. Доколачиваем последних».

Полковник, видимо, отвлекся чем-то от телефона. Капитан не опускал трубку. Прикрыв ее ладонью, он сказал Михаилу:

— Молодец, Егоров. С Неустроевым связь была прервана. Из штаба двух связных послали, еще не вернулись. Ты — первый.

А Михаил думал только об одном: «Как кончит с полковником, сразу начну».

Капитан снова заговорил в трубку, но уже совсем другим голосом:

— Есть, товарищ Тридцать три. Как раз он и донесение доставил. Обоих? Ясно. Слушаюсь.

Михаил взволнованно подумал: «О нас говорят. Но что, что именно?..»

— Товарищ Егоров, — быстро сказал капитан, — сейчас же найдите Кантария...

— Я здесь, товарищ капитан, — как из-под земли вырос тот (стоял у пролома в стене).

— А-а, хорошо. Немедленно — к командиру полка. Оба. Передадите донесение и... (капитан весело посмотрел на них), кажется, вам предстоит важное задание.

Надо ли говорить, с каким волнением бежали разведчики к командиру полка! За дорогу не обменялись ни одним словом. У обоих была одна и та же мысль: «Знамя! Как хорошо, если бы...» Но вслух об этом сказать не решались: а вдруг — нет!..

В штабе полка Егорова и Кантария ожидало именно то, о чем мечтали они, как и тысячи других советских воинов.

Передавая разведчикам Знамя Победы, представитель политотдела армии сказал:

— Помните, товарищи, вам вручается армейское Знамя — символ чести и боевой славы Третьей ударной армии, а в ее лице — и всей армии нашей страны.

Подполковник Зинченко спросил, поощрительно улыбнувшись:

— Ну как, выполните?

— Товарищ подполковник! — выпалили оба и... замолкли.

Командир полка крепко обнял каждого.

— От всего сердца желаю удачи. Идите сейчас к капитану Неустроеву, он вам все объяснит.

Когда они вышли от командира полка, сияющий Кантария хлопнул Егорова по плечу.

— Миша, генацвали!* Тебе везет и мне с тобой. Асса! А! Асса!

И, притопнув, взмахнул в стороны руками, как в лезгинке.

В «доме Гиммлера» бой уже закончился. Когда оба разведчика пришли, уводили пленных.

Неустроев выслушал доклад Егорова, как старшего, потрогал Знамя и сказал:

— Очень хорошо. От батальона у нас тоже понесут Знамя Победы. Товарищ Сьянов, — обернулся он к старшему сержанту. — Этих возьмешь в свою роту. Знакомьтесь.

* Душа моя!

Тот взглянул на разведчиков:

— Да мы уже знакомы!

И, увидев недоумение на их лицах, прибавил, улыбнувшись:

— А на Одере-то, когда «языка» притащили... Чуть не подстрелили вас...

Оба тотчас же вспомнили этот эпизод. Теперь старший сержант командует ротой. В боях, когда офицеры выбывают из строя, всякое бывает. Пожилой, неторопливый в движениях Сьянов сразу им понравился. Большие карие глаза его смотрели умно, пытливо.

В коридоре их нагнал чернобровый сержант.

— Разведчики-знаменосцы? Егоров и Кантария?— спросил он.

И, получив утвердительный ответ, продолжал:

— А я — комсорг батальона Шарафутдинов. Идемте, познакомлю вас с нашими знаменосцами. Вы, наверно, комсомольцы? Ну и они тоже. Зовут их Щербина и Пятницкий.

По дороге комсорг рассказал о комсомольских делах в батальоне, о том, как на собрании комсомольцы поклялись показать пример отваги и бесстрашия в штурме рейхстага.

— Присоединяем свои голоса к этой клятве, — сказал Егоров.

Щербина с Пятницким прибивали Знамя к древку — отодранной от шкафа планке. Комсомольцы разговорились по душам о предстоящем бое за рейхстаг, о Знамени, которое взовьется над ним.

Легкий пушок на верхней губе Пятницкого придавал ему выражение юношеской самоуверенности, серые глаза блестели.

— Замполит Берест хорошо сказал о Знамени Победы, — оживленно рассказывал он. — Весь мир, говорит, его увидит!..

Кантария с удовольствием смотрел на него: горячий, верно — боевой парень. Чтобы испытать комсомольцев, он сказал значительно:

— Идти нам к рейхстагу осталось немного, а убить могут...

— Неважно, — махнул рукой Пятницкий. — Важно, что Знамя все равно будет над рейхстагом, не мы, так другие его поднимут.

— Верно, товарищ Пятницкий, — удовлетворенно сказал Кантария. — Золотые слова. Вот и мой друг Михаил Егоров так же говорит.

В «доме Гиммлера» знаменосцев выделяли в каждом подразделении. Командир батальона капитан Давыдов вызвал лейтенанта Рахимжана Кашкарбаева и красноармейца Булатова.

— Боевая и почетная задача вам, — сказал он, протягивая им алый стяг, — водрузить над рейхстагом.

Лейтенант взволнованно взял Знамя и прижал его к груди. Тут же он написал в бюро парторганизации: «Желаю штурмовать рейхстаг членом партии. Прошу о приеме».

В другом подразделении Знамя Победы приняли сержант Кулиничев и рядовой Курмангалиев.

Лучшим из лучших, храбрейшим из храбрых вручали это зовущее к победе Знамя.

18

Рота Сьянова расположилась в полуподвале, окна которого выходили на Королевскую площадь. Старший сержант посоветовал знаменосцам-разведчикам в оставшееся время хорошенько оглядеться и познакомиться с людьми. В роте было всего шестьдесят человек, зато смелых, показавших себя отличными воинами в боях. Большинство из них пришло в Берлин из Сталинграда. Перед самой атакой на рейхстаг Сьянов получил небольшое пополнение из только что освобожденных от немецкого рабства советских граждан.

Старший сержант подвел знаменосцев к окну и, показывая рукой, сказал:

— Посмотрите-ка во-он туда.

Разведчики осторожно выглянули из окна и на расстоянии трехсот метров сразу же увидели на самом берегу Шпрее огромное мрачное темно-серое здание с широкими ступенями, мощными колоннами и высоким куполом. На прилегающей к нему площади разрывались снаряды нашей артиллерии, и здание слегка дымилось.

Опытный взгляд разведчиков приметил небольшие темные квадраты в проемах дверей и полукруглых окон, заложенные кирпичом, очевидно, — амбразуры, и пробои-

ны в массивных стенах, и одинокое дерево с обгорелым стволом, двумя-тремя ветками, торчавшими уныло и безжизненно.

— Это и есть рейхстаг, — сказал Сьянов.

Знаменосцы встрепенулись и, прижав подбородки к груди, чтобы не слишком высовываться, стали исподлобья внимательнее присматриваться к сумрачному зданию. Егоров попросил у старшего сержанта бинокль и над широченными массивными дверьми увидел большой флаг с фашистской свастикой. Из оконных и дверных амбразур торчали хоботы пулеметов, стволы минометов, у подъездов стояли пушки. Потом бинокль взял Кантария.

Так вот он какой, немецкий парламент, последнее прибежище фашизма, как сказал вчера политработник! Он говорил, что с тех пор, как гитлеровцы засели в рейхстаге, отсюда исходили войны, покорение и истребление народов, разрушение и грабеж городов. В октябре сорок первого, говорил политработник, Гитлер вопил: «Враг повержен в прах и никогда больше не поднимется!» Где-то он теперь, неудавшийся пророк и полководец без армии? Зарылся в своей рейхсканцелярии глубоко под землю. А «поверженные в прах» громят немецкую столицу. Советское Знамя Победы вот-вот взовьется над Берлином, и тогда весь мир вздохнет облегченно!

— Прямо перед вами Королевская площадь, — прервал размышления разведчиков старший сержант. — По ней нас и ожидает прогулка к рейхстагу.

— Ну что ж, и прогуляемся, — в тон ему сказал Кантария, передавая бинокль. — И Знамя наше в него воткнем. Правда, Миша?

Площадь была изрыта ямами, канавами, воронками от снарядов, загромождена срубленными деревьями, мешками с песком, поваленными фонарными столбами, машинами.

— Да, через все это трудно пробираться, — сказал Егоров. — Зато есть за чем укрыться.

— Мало помогают эти укрытия, — сумрачно заметил Сьянов.

Он рассказал, что вчера первая стрелковая рота из батальона Самсонова без приказа пошла в атаку, решив с ходу ворваться в рейхстаг. Нарушение дисциплины? Но теперь, с момента вступления в Берлин, такие нарушения встречаются довольно часто. Людей не сдержишь, все

рвутся в бой. Самсонов дал приказ другой роте тоже атаковать.

Одиако обе роты не смогли дойти и до середииы площади — иемцы открыли шквальный огонь. Пришлось залечь, а потом отойти. После этого пытались наступать подошедшие танки. Но и они вынуждены были вернуться с потерями. Пристреляв чуть не каждый метр, гитлеровцы били по площади с трех сторон, как только замечали иа ней движеиие.

— А вои... правее—Тиргартен, — продолжал Сьяиов.— В нем сосредоточеиа фашистская артиллерия.

Тиргартеи — парк, в прошлом — свидетель пышных военных парадов, совсем еще недавио шелестевший молодой весенней листвой перед окнами рейхстага, теперь сильно поредел. Виднелись обуглившиеся стволы, расщепленные пии...

— Как видите, дело иам предстоит иелегкое, — закончил Сьяиов, — и Знамя пронести по этой площади не то, что во время демонстрации на празднике Первого мая.

Наступила ночь. В разиых местах города бушевали пожары. К небу поднимался удушливый дым. Отовсюду несся тошнотворный запах гари. В огромиом городе ие утихала яростная борьба. Слышались тяжкие взрывы советских авиабомб и снарядов, лязг и грохот танковых гусениц, сухие очереди автоматов и пулеметов, гулкие разрывы фаустпатронов, короткие виитовочиые выстрелы.

Но здесь, иа Королевской площади, было сравиительно тихо. Гитлеровцы, иервничая, десятками жгли белые ракеты, и тогда площадь несколько мгновений ослепительиио сияла мертвеиным светом. По времеиам из рейхстага без видимой причины открывали огоиь. Потом все сиова смолкало.

19

В иочь иа тридцатое апреля стрелковые подразделения, выставив охранение, отдыхали в подвалах и первом этаже «дома Гиммлера». Напряженио трудились лишь артиллеристы. Оии закатывали орудия во двор, на этажи бывшего гестапо, чтобы прямой наводкой бить по рейхстагу.

Утром бойцы начали готовиться к атаке. Еще не было приказа, но все уже знали: сегодня выступать. После завтрака состоялся небольшой митинг. Заместитель командира батальона по политчасти, плечистый рослый лейтенант Берест произнес горячую речь.

— Сегодня сердца наши охвачены великой радостью. Каждый чувствует: часы Гитлера сочтены, приказ Родины будет выполнен. Над многими домами Берлина уже развеваются наши алые стяги и белые флаги населения. Теперь очередь за рейхстагом. Всего одна площадь отделяет нас от него.

Кивком он подозвал к себе Егорова и Кантария и, когда те подошли, продолжал:

— Смотрите, это наши разведчики-сержанты. Они пойдут на штурм рейхстага со Знаменем Третьей ударной армии. Надо ли говорить, какая честь нам оказана этим? Бой за рейхстаг войдет отдельной главой в историю Великой Отечественной войны. И от нас зависит, какая это будет глава. Порадуем же в праздник Первого мая советский народ, водрузим Знамя над рейхстагом!

Солдаты разошлись с митинга в приподнятом настроении. Хотя команды еще не было, но каждый готовился к бою.

Егоров и Кантария, отыскивая себе местечко, вслушивались в разговоры.

— В атаке граната — заместо брата, — говорил пожилой сталинградец молодому солдату, обвешивая себя «карманной артиллерией».

Другой, набивая патронами сумку, приговаривал:

— Суворов сказал: «Пуля дура, штык молодец!» Может, в те времена так и было, а у нас вот не дура, выручает.

В просторной, но уже заполненной людьми комнате солдат, пришив подворотничок, старательно начищал звездочку на пилотке.

— Ты как на праздник собираешься, — подтрунивал его сосед.

— На целых два. Во-первых, завтра Первое мая, а во-вторых, рейхстаг берем, войну кончаем.

Сержант в кругу бойцов говорил:

— А мне Москва сегодня вспоминается. В декабре сорок первого привели мы из разведки «языка». В кар-

мане у него листовку обнаружили. Позвали переводчика. Тот прочел и на фашиста со злостью уставился. «Кишка, говорит, у твоего фюрера тонка». В чем, спрашиваем, дело? Оказывается, Гитлер клялся, что в декабре-де его флаг над Кремлем будет развеваться. А нынче вот верно — наше Знамя будет над их рейхстагом. Правильно я говорю? — потряс он за плечо знаменосца Щербину.

— Идите сюда! — крикнул Пятницкий, напарник Щербины, увидев Егорова и Кантария. — Потеснимся.

Михаил и Мелитон устроились у стены и вместе с ними стали укладывать знамена в самодельные чехлы.

В углу молодой солдат вполголоса пел:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Подсел на корточках боец с седыми, аккуратно подстриженными усами.

— Вот, сынки, — начал он без всякого предисловия, — с такой охотой в бой, как я нынче пойду, за всю войну не ходил. Это, стало быть, у меня второй такой штурм будет.

— Как это понимать? — спросил Егоров, подвязывая конец чехла.

— А вот так. Вот уж почитай тридцать лет тому, как я Зимний дворец в Петрограде брал.

— А ну, расскажи, папаша, — попросил Пятницкий.

Солдат поправил пилотку.

— Вы, ребята, конечно, грамотные, знаете, как оно все было. А я скажу вам о том, что у нас в сердцах кипело, как вот примерно сейчас. Помню, ждали приказа. И вот вечером шестого ноября он пришел, этот самый приказ. Сидоренко, бывший ефрейтор в царской армии, за старшего у нас был. Он нам и объявил: «Ленин приказал взять Зимний». Эх, сынки мои!

Солдат на минуту примолк, провел ладонью по лбу.

— Ну, потом, как полагается, командир наш Властов — из казаков донских был, боевой парень, революционный — объяснил нам задачу. А после спросил, какое, мол, мнение красногвардейцев на этот предмет. Мы — в один голос: «Все ясно. Давай только, товарищ командир, команду». Двинулись, значит, на штурм поздно вечером. Впереди — знаменосец. По всему полотнищу крупными буквами — лишь одно слово, а какое

слово-то: «Революция». Наша революция — не буржуйная, мы это тогда уже понимали...

Что-то еще хотел сказать солдат, но в этот момент в комнату ворвалась снаружи звучная, в полный голос, ликующая команда:

— По германскому рейхстагу, дивизионом... Огонь!

И тотчас же оглушительный грохот потряс воздух, заколебался дом, со стен и потолка полетели куски штукатурки.

Артиллеристы начали подготовку штурма рейхстага.

Старый солдат вскочил, протянул руку:

— Вот и «Аврора» так же...

Но никто его уже не слушал, и он по-молодому побежал к своему месту.

Было двенадцать часов дня тридцатого апреля.

20

Удар был короток, но крепок. Гудел и дрожал воздух. Орудия всех калибров, танки, гвардейские минометы согласованно обрушили огонь на рейхстаг. Каждая пушка имела свою цель — амбразуру, вражескую огневую точку — и только по ней вела огонь.

Метко накрывали цели орудия, которые ночью втащили на первый и второй этажи «дома Гиммлера»: орудийным расчетам было все видно, как на ладони. Площадь и рейхстаг заволокли густой дым и желтобурая пыль, но цели были уже пристреляны.

В воздух поднялся на аэростате старший лейтенант Егупов. Ответственное задание: корректировать огонь по площади и рейхстагу. На высоте около километра аэростат замер на месте. Сориентировав планшет по компасу, сравнив план Берлина с тем, что видел с земли, Егупов стал в бинокль определять, где находится Королевская площадь. Быстро нашел.

— В районах Королевской площади и рейхстага вижу скопление техники, — докладывал он по телефону.

Внизу произвели нужные расчеты. Команда:

— Залп!

Корректировщик, услышав раскаты пушек, пристально посмотрел в бинокль. На площади перед рейхстагом взметнулись столбы разрывов.

— Хорошо! — закричал он в трубку.

Над рейхстагом появились советские самолеты. Сделав разворот, сбросили бомбы.

Капитан Неустроев подошел к окну. Снаряды густо рвались над рейхстагом, кругом были пожары. Оттуда полз через Тиргартен желтый дым. Взрывные волны кромсали дым, и он, клубясь, носился над площадью. Над рейхстагом висела уже целая туча — черная, непроницаемая, и мины «катюш» мелькали в ней, как метеоры.

Еще продолжалась артподготовка, когда над площадью взвились красные ракеты. На штурм! Как из люков корабля, стуча по дощатым помостам, выскакивали бойцы из окон «дома Гиммлера». Знаменосцы — впереди. Артиллеристы разделили прицелы: одни били по рейхстагу, другие передвигали по площади перед наступающими «огневой щит». Бойцы стремились вперед. Дым и пыль от разрывов и пожаров надежно скрывали их от прицельного огня немцев.

Во весь рост, не сгибаясь, бежали Егоров и Кантария. В правой руке Михаил зажал автомат, в левой — Знамя. Вот уже до рейхстага — метров полтораста. Наша артиллерия смолкла, чтобы не мешать атаке. И тогда внезапно наступившую тишину снова взорвал неистовый грохот. Теперь уже гитлеровцы, попрятавшиеся было от нашего обстрела, поливали вздрагивающую площадь потоками огня. Оглушительно разрывались фаустпатроны, ухали мины, грохотали зенитки и пушки из Тиргартена, строчили длинными очередями пулеметы и автоматы. Стрельба была беспорядочной. В дыму гитлеровцы, конечно, не видели цели, но сплошной многослойный огонь на небольшом пространстве приносил урон и затруднял продвижение.

Обстрел ни на минуту не ослабевал. Егоров и Кантария перебегали от укрытия к укрытию, от одной, не успевшей еще остыть, воронки к другой.

Выглядывая из-за поваленной машины — куда бы перескочить, Михаил вдруг почувствовал, что его тронули за плечо. Вздрогнув от неожиданности, он обернулся и увидел лежавшего красноармейца в белом колпаке. Он протягивал красный флажок и что-то говорил, но в гуле и грохоте нельзя было разобрать ни слова. Тогда солдат прокричал Егорову на ухо:

— Сам-то я не могу его прикрепить к рейхстагу — с кухней я здесь, так уж ты постарайся.

Раздосадованный задержкой, Михаил все же взял флажок и прочел сделанную на нем белыми нитками надпись: «Что, выкусил, собака-Гитлер? С приветом. Повар Загоруйко».

Егоров не мог не улыбнуться.

— Молодец, Загоруйко! — наклонился он к его уху. — Но ты ж чудак-человек, видишь, у меня—Знамя!

Жалко было отказывать храброму повару, но Михаил, сунув ему флажок, прыжком выскочил из-за машины. Повар сунулся было к Кантария, но тот только отмахнулся, и Загоруйко, погрозив ему вслед кулаком, пополз дальше.

Знаменосцы по-прежнему были впереди. От непрерывного громыхания и воя рвущихся снарядов им обоим мгновениями чудилось, что кругом абсолютная тишина. Дышали прерывисто, тяжело, от гари щипало в носу и горле.

Лежа в большой воронке, куда прыгнул и Кантария, Егоров осмотрелся. По сторонам и позади себя он заметил бойцов и обрадовался: ровняются по Знамени! Он наклонился к Мелитону и крикнул:

— Теперь до трансформаторной будки!

Это был их предпоследний бросок, намеченный еще до атаки. Они выскочили из воронки и помчались вперед.

Не успели они еще добежать до будки, как площадь огласилась могучим «ура!», властно покрывшим все другие звуки. Это поднялся в атаку еще батальон. Во всю силу легких Егоров и Кантария тоже кричали, не слыша собственных голосов.

Боевой клич советских бойцов словно кольнул врага в самое сердце. С бешеной яростью усилили они огонь из бойниц рейхстага. Рев, громыхание фаустпатронов разнеслись над площадью с новой силой. Словно билась она в судорогах, трепеща от разрывов.

Трансформаторная будка оказалась хорошим укрытием. Упав под нее, Егоров и Кантария несколько минут не могли отдышаться, сплевывая черную от гари слюну. Но вот «ура» стихло, и, поглядев назад, Егоров увидел, что бойцы залегли. «Неужели атака захлебнется? — тревожно пронеслось в голове. — Нет, этого не

может быть! Ведь до рейхстага уже рукой подать». Толчок в бок прервал его мысли. Кантария возбужденно кивал на рейхстаг.

— Смотри, смотри! — прокричал он. — Видишь?.. А мы с тобой лежим!

Егоров взглянул и поразился: к ступеням главного входа подбегал со Знаменем Пятницкий. Он был один. Поднявшийся сильный ветер разгонял клубы дыма, и знаменосец был хорошо виден. «Вот так молодец!» — подумал Михаил. Но тут же чувство обиды на себя ущемило его. Кантария прав: нужно немедленно следовать за Пятницким.

Но тотчас же родилось и сомнение: стоит ли это делать сейчас? Люди залегли. Под таким губительным огнем они вряд ли смогут возобновить атаку. И Пятницкий, конечно, тоже залег бы, если бы оглянулся и увидел, что позади него пусто. Но ведь при атаке оглядываться нельзя...

Михаил не спускал глаз с отважного знаменосца. Пятницкий, держа бьющееся по ветру Знамя высоко над головой, взбегал по ступеням рейхстага.

— Давай, давай, еще, еще! — шептал Егоров, сжимая древко и отсчитывая ступеньки при каждом шаге знаменосца. Вдруг Пятницкий покачнулся и тяжело опустился на лестницу. Неужели убит! Он лежал лицом к дверям рейхстага, и Знамя покрывало его спину. Секунда, другая, третья... Да, он недвижим. Михаил глянул назад, на залегших. Ему хотелось крикнуть: «Видите? Чего же медлить!» Он заметил какое-то движение среди бойцов, но никто не поднялся. Обернулся к рейхстагу — там тоже все по-прежнему: Пятницкий — на ступенях и на нем алое полотнище...

Михаил посмотрел на Мелитона. Тот кивнул ему головой, и Егоров, сдернув чехол, поднял над собой Знамя. Победно заалело оно сквозь струи дыма. Оба знаменосца вскочили на ноги и ринулись вперед. И почти в тот же момент сзади грянуло «ура!»

«Ну, теперь уже не остановят!» — радостно подумал Егоров, пробегая площадь. Он не оглядывался и видел перед собой только широкие ступени, огромную дверь и рядом с ней Пятницкого, прикрытого Знаменем. В двери он заметил черную дыру, пробитую снарядом, и

все внимание его приковалось к ней. Нет, не бежать, лететь хотелось ему в эту минуту...

Вдруг какая-то властная сила подхватила его, подняла и, пронеся в воздухе, бросила. Он ударился обо что-то твердое и покатился в бездну. Мгновенье — и он услышал протяжное «а-а-а!», сначала — издалека, потом все ближе и ближе. Наконец, кто-то громкоголосый закричал в самое ухо. С усилием Михаил повел рукой, сбрасывая с себя что-то мешавшее ему, и очнулся. Мимо него с криком «ура» проносились бойцы, строча из автоматов.

«А где же Знамя?» — с ужасом подумал он и тотчас же почти на самом верху лестницы увидел Кантария со Знаменем. Михаил понял, что был отброшен воздушной волной, а Кантария, думая, что его друг ранен или убит, подхватил Знамя.

Егоров вскочил и, не ощущая боли, что было силы побежал по ступеням вверх. Он не замечал солдат, которых обгонял, не заметил и санитара, выносившего тело Пятницкого.

Когда он подбежал к Мелитону, тот стоял у колонны, беспокойно оглядываясь вокруг, словно ища что-то глазами на лестнице.

— Жив! — радостно воскликнул Кантария и сжал ему плечо свободной рукой. — Чем бы прикрепить Знамя?

— А у меня ж провод припасен, забыл, что ли? — тихо сказал Егоров, отматывая от пояса проволоку.

Он сначала обвязал древко, а потом вдвоем они прочно притянули его к колонне. Кругом свистели пули, но знаменосцев хорошо защищала массивная колонна. Слегка наклонившись к площади, Знамя заколыхалось, словно сзывая воинов. Солдаты, бежавшие к рейхстагу, увидели его, и снова «ура» прокатилось по площади.

Рейхстаг атаковали с трех сторон подразделения Самсонова, Неустроева и Давыдова. Бойцам предстояло преодолеть широкий и глубокий, наполненный водой ров с отвесными укрепленными стенами. Не останавливаясь, красноармейцы бросились в мутную воду и взбирались на другую сторону, встав на плечи товарищей и потом вытаскивая их наверх. Но не всем удалось достигнуть рейхстага. Многие полегли под ураганным

огнем, других отсекли разрывы мин и фаустпатронов из Тиргартена. И все же отдельные группы подбегали к зданию, изрыгавшему пламя.

Вторая пара знаменосцев Самсонова — Еремин и Савенко — мчалась впереди. Еремин, державший Знамя, был ранен в голову и упал. Савенко подхватил Знамя и ринулся вперед. И вот уже второе красное полотнище, прикрепленное к колонне, заплескалось на площадке рейхстага. Потом здесь же взвились знамена батальонов Неустроева и Давыдова.

Подбежавшие бойцы гранатами расширяли трещины в двери и проломы в стенах, пробитые снарядами, и бросались внутрь. Сразу же в длинном коридоре, в полной темноте, прорезаемой огневыми вспышками от разрывов и выстрелов, закипали лютые схватки. Слышались гортанные крики гитлеровцев. Их было много — потом оказалось, что гарнизон насчитывал до трех тысяч человек, а в рейхстаг просочилось пока только до ста советских бойцов. Но гранаты тут решали все. Бросая их пачками, прокладывали себе путь красноармейцы вдоль всего коридора, пока не попали в зал с огромной статуей древней богини правосудия — Фемиды. Зал был свободен, и бойцы ринулись дальше. А сзади них на подмогу врывались новые группы смельчаков...

И все-таки в рейхстаге было легче, чем на бушевавшей огнем площади. Здесь не рвались снаряды и мины, — в ходу были автоматы, винтовки, штыки и гранаты. Зато борьба была ожесточеннее.

Бой за каждый метр был свирепым, беспощадным. Из углов и закоулков, из-за многочисленных статуй и мешков с песком гитлеровцы били беглым огнем, хотя второпях и не особенно метким. Советские бойцы, уже опытные в «комнатных» боях, используя те же укрытия, глушили врага гранатами, шаг за шагом очищая от него первый этаж...

Егоров и Кантария, прикрепив Знамя к колонне, пролезли в дыру, пробитую снарядом в нижней части двери, и вместе с другими бойцами гнали гитлеровцев по коридору. Проскочив зал со статуей Фемиды, они ворвались в другой зал, где высилась огромная статуя Бисмарка с палашом в руке. Тут завязалась жаркая схватка.

Два бойца, вырвавшись вперед, укрылись за Бисмарком и поливали оттуда немцев свинцовым дождем из автоматов. Кантария восхищенно причмокнул.

— Ай, молодцы! И немецкого генерала приспособили!

В несколько прыжков Михаил и Мелитон очутились за статуей и тоже застрочили из автоматов.

В зал врывались все новые группы бойцов. В дыму и полумраке полыхал и гремел огонь. Фашистов оттесняли все дальше в глубь зала. У стен то и дело сталкивались врукопашную, дрались ножами и кулаками, стискивали друг друга в смертельных объятиях. Откуда-то появился станковый пулемет и, заняв прочную позицию за статуей Бисмарка, стал прошивать немцев горячими струями свинца. Это решило судьбу схватки. Часть гитлеровцев подняла руки, остальные выскочили из зала: одни бежали по лестнице на второй этаж, другие в подвал.

— Стой! — крикнул бойцам Сьянов. — Отдохнем.

Команда была передана, и все вернулись в зал. Сьянов выставил заслоны у лестницы и двух входов в подвал и приказал налаживать прерванную телефонную связь с комбатом.

21

Громовое «ура» огласило бисмарковский зал немецкого рейхстага. Это бойцы радостно встречали вбежавших с автоматами наперевес своих комбатов — Самсонова, Неустроева, Давыдова, замполита батальона Береста.

— Ну, как наш станковый помог? — спросил запыхавшийся Самсонов.

— Еще бы! — крикнул Кантария. — Последний аккорд дал и вышиб гадов!

— А где же Знамя? — встревоженно спросил Самсонов.

— Зовет бойцов из окна рейхстага, товарищ старший лейтенант, — лихо отрапортовал Кантария.

Егоров и Кантария уже успели сбегать за Знаменем и укрепили его в проеме окна первого этажа, выходившего на площадь.

— Здесь и думаете оставить? — строго спросил Берест.

— Никак нет, товарищ лейтенант, — блеснул глазами Кантария. — Финиш — на крыше рейхстага.

— Ну, то-то, — удовлетворенно ответил Берест и тут же, под перемежающийся треск автоматов и разрывы гранат, которыми заслоны, выставленные Сьяновым, отбрасывали немцев, провел короткий митинг.

— Товарищи, внимание! — зычно крикнул он, вскочив на ящик. — Это вот статуя князя Бисмарка, германского деятеля прошлого века, душителя немецких рабочих. Он организовал в свое время войну против героической Парижской Коммуны. И за все это он близок и мил сердцу теперешнего врага человечества, палача и преступника Гитлера. В этом самом бисмарковском зале в тысяча девятьсот тридцать третьем году фашисты учинили допрос дорогому нашему товарищу, вождю болгарского народа и мирового рабочего движения Георгию Димитрову. Они пытались потом судить его на Лейпцигском процессе, но бесстрашный коммунист смело разоблачил их тогда перед всем миром. Советское правительство вырвало его из кровавых лап фашизма. Теперь народы будут судить фашистов за все их злодеяния, и им не уйти от праведного суда. Но прежде врага надо разбить наголову. И нам, товарищи, выпала великая честь — уничтожить его в последнем прибежище — рейхстаге. Бейте же без промаха! Пусть взовьется над рейхстагом наше Красное Знамя Победы!..

— Ну, а теперь небольшой отдых, товарищи! — крикнул капитан Неустроев, когда митинг закончился.

— И перекусить малость! — подхватил капитан Давыдов. — Вон нас уже и Загоруйко дожидается.

В высокие двери зала входил улыбающийся Загоруйко в белом колпаке. Он подошел к Неустроеву.

— Разрешите доложить, товарищ капитан. Кухня прибыла.

Потом, вынув из-за пазухи красный флажок, смущенно и в то же время лукаво спросил:

— Куда бы это прикрепить, товарищ капитан?

Неустроев взял флажок, прочел на нем надпись и, улыбнувшись, передал ближайшему солдату. Флажок пошел по рукам. Бойцы смеялись от души.

И, как это часто бывает, только что пережитое во время боя предельное напряжение нервов сменилось безотчетным весельем.

— Неча тебе его прикреплять, самолично Гитлеру передай, — посоветовал повару боец с седыми подстриженными усами, тот, что рассказывал о Зимнем.

— Правильно ты ему, Загоруйко, всыпал, — крикнул паренек в сдвинутой на ухо пилотке. — По-немецки он, может, и умный, а по-русски — дурак!

Кругом засмеялись.

А солдат с повязкой на голове в кружке, пристроившемся на бочках, самозабвенно повествовал:

— Он меня — цап за левую ногу, думал свалить, а я его кэ-эк звездану правой ногой в живот, так он и кувыркнулся и сразу же с пола — хенде хох!..*

Однако спокойно поесть бойцам не удалось. То и дело приходилось выбегать из зала и отгонять гранатами гитлеровцев, наседавших на оставленные Сьяновым заслоны.

Неустроев был сильно озабочен отсутствием телефонной связи со штабом полка, которая прервалась во время штурма рейхстага и восстановить ее никак не удавалось. Ворвавшись со своей ротой в рейхстаг, Неустроев тотчас же дал сигнал — красную ракету, но в дыму, пламени и пыли ее не увидели в штабе полка.

Под сильным огнем связисты полка несколько раз пытались отыскать конец провода, но все их попытки оставались безуспешными. Один был убит, другой ранен, и подполковник Зинченко перестал посылать людей на верную смерть. Однако командир отделения связистов сержант Ермаков по собственной инициативе перебежал площадь, отыскал порыв, восстановил связь и первый заговорил по телефону из рейхстага со штабом полка.

Неустроев доложил Зинченко, что бойцы ворвались в рейхстаг и ведут бои внутри здания. Комбаты распределили между собою боевые задачи: Самсонов занялся очисткой от гитлеровцев правого крыла рейхстага, Неустроев — левого, а Давыдов взял на себя подвалы. Зинченко одобрил действия комбатов и сообщил, что он назначен комендантом рейхстага.

22

Бойцы группами рассыпались по залам, устремились по лестницам во второй этаж. Под огнем продвигались

* Руки вверх!

вперед, прячась за статуями, держась у стен, пробираясь ползком по-пластунски.

Егоров и Кантария по-прежнему были впереди атакующих. Они искали прямого выхода на крышу рейхстага, чтобы скорее выполнить свою задачу. Они знали, какое воодушевление это вызовет у сражающихся здесь, на площади, да и во всем Берлине. Наконец, в коридоре они увидели узкую витую лестницу и стали подниматься по ней.

Немцы уже раньше приметили двух смельчаков, и, решив, что они выполняют какое-то важное задание, сосредоточили на них огонь. Трижды бросали они сверху фаустпатроны. К счастью, знаменосцы успевали укрываться, спускались по лестнице вниз, а потом снова поднимались, прокладывая себе путь гранатами. Сьянов придал им трех автоматчиков, надежно прикрывавших упорное продвижение храбрецов.

Достигнув второго этажа, они обнаружили, что лестница была разворочена взрывом фаустпатрона. Разведчики и автоматчики остановились в нерешительности. Егоров задумался, но вдруг лицо его оживилось.

— Стой здесь, Мелитоша, — крикнул он, — а я сбегаю вниз за стремянкой, видел ее у главного входа.

У разведчика всякая деталь задерживается в памяти, независимо от обстановки. Через несколько минут Егоров притащил стремянку. И вот все пятеро уже перебрались на уцелевшую часть лестницы.

На третий этаж они добрались без труда. Очевидно, гитлеровцы потеряли их из виду, да и не могли предположить, что им понадобится зачем-то боковая лестница, ведущая на чердак.

— Теперь, Мелитон, — сказал Егоров, отдышавшись, — беги за Знаменем.

Кантария помчался вниз и скоро принес Знамя.

Михаил встал на подоконник и, высунувшись в окно—оно выходило на площадь, помахал Знаменем. Но закреплять его здесь раздумал. Его уже видели на площади в окне второго этажа. Теперь Знамя Победы должен видеть весь Берлин. Нет, ему место только на крыше!

— Мелитон, пробьемся? — спрыгнув с подоконника, спросил Егоров.

— Ва, какой может быть разговор, — горячо подхватил друг, — конечно, пробьемся!

— Теперь, товарищи, мы сами доберемся, — обратился Егоров к автоматчикам. — Видите, здесь спокойно, а так нас немцы скорее заметят. Спасибо за подмогу.

— Да ведь командир роты приказал до конца быть с вами, товарищ сержант, — нерешительно сказал старший.

— На мою ответственность.

— Ну ладно, коли так.

И автоматчики ушли.

Теперь Егоров с Кантария были одни, и от этого им даже спокойнее стало — привыкли вдвоем ходить в разведку. И сейчас они почувствовали себя в поиске, только в очень важном и необычном.

Сначала все было как будто хорошо. Но в одном месте за поворотом лестницы они увидели пятерых гитлеровцев, очевидно искавших себе путь вниз, в подвал. Знаменосцы легли на лестничную площадку, и в ту же секунду над их головами просвистели пули.

— Держи Знамя, Мелитон, — сказал Егоров, отстегивая от пояса противотанковую гранату.

— Да разве можно на такое расстояние, Миша?

— Когда нужно — можно.

И Михаил швырнул гранату вверх. Оглушительный взрыв — и путь свободен...

На четвертом этаже знаменосцев ожидал «сюрприз». Группа немцев, привлеченная стрельбой и взрывом, открыла с лестницы стрельбу из автоматов. Знаменосцы, отстреливаясь, залегли на ступенях. Положение осложнилось тем, что и снизу, с третьего этажа, на них посыпались пули откуда-то взявшихся гитлеровцев. Гранатами нельзя было действовать, так как для этого пришлось бы приподняться, а это грозило гибелью.

Вдруг Егоров охнул и схватился за ногу.

— Ранен, Миша? — тревожно спросил Кантария.

— Нет, так, пустяки, — спокойно сказал Егоров. — Пали вниз, Мелитоша, а я буду сверху ссаживать.

Михаил подумал, что зря отпустил автоматчиков.

В этот момент послышался топот в самом низу лестницы. Это поднимался Сьянов со своей ротой, чтобы в обход начать очистку этажей. Хотел он кстати прове-

рить, как идут дела у знаменосцев, так как узнал от автоматчиков, что они остались вдвоем.

— Держись!—крикнул Сьянов, услышав стрельбу.— Мы идем!

Немцы с третьего этажа бросились в боковые проходы. Егоров и Кантария поднялись во весь рост и метнули вверх гранаты.

Путь снова был свободен.

Не дожидаясь Сьянова, знаменосцы устремились вперед. С четвертого этажа поднялись на чердак. Здесь немцев не было, а слуховое окно искать не пришлось: наши снаряды продырявили крышу во многих местах.

Через отверстие друзья пролезли наверх и облегченно вздохнули.

— Штыком и гранатой пробились ребята, — усмехнувшись, сказал Кантария. Он и здесь остался верен себе.

23

Королевскую площадь продолжала обстреливать и наша и гитлеровская артиллерия. Снаряды разрывались и на крыше. Знаменосцы пробирались ползком, выискивая удобное место, где можно было бы укрепить Знамя. Над их головами прогудел тяжелый снаряд, мощный поток взбудораженного воздуха придавил их к железу крыши.

На крыше высилась огромная статуя императора Вильгельма I на коне.

— Ухватимся за лошадь, — сказал Егоров, — чтобы воздушной волной не сдуло.

Они поднялись и, пригибаясь, подбежали к статуе. В это время, со свистом рассекая воздух, большой осколок снаряда ударил в брюхо коня и исчез в нем, оставив щель.

— Смотри-ка! — воскликнул Кантария. — Нам везет. Вот и место для Знамени.

Вдвоем они быстро приспособили древко, просунув его в дыру.

— Надо бы привязать, — забеспокоился Кантария.— Только чем?

— А вот чем! — И Егоров, сняв со Знамени чехол, прикрепил им древко к копыту.

Друзья обнялись и несколько минут стояли молча, улыбаясь, стараясь справиться с охватившим их волнением.

Внизу расстилался огромный Берлин. Повсюду вспыхивало пламя от рвущихся снарядов и мин. То и дело молнии «катюш» проламывали небо. Гремела, не умолкая, канонада. И над всем этим гордо реяло Знамя Победы, теперь уже совсем близкой.

— Пойдем, Мелитоша, — сказал, почему-то вздохнув, Михаил. — Надо доложить.

Они пошли по крыше, гулко ступая, теперь уже не пригибаясь, не опасаясь разрывов. Дело сделано.

Спустившись на чердак, они спрыгнули на четвертый этаж. Здесь было тихо. Но на третьем пришлось задержаться. Наши бойцы очищали этажи, и теснимые ими гитлеровцы группами появлялись на боковой лестнице, чтобы, спустившись по ней, укрыться в подвалах. Они уже не были так боеспособны, как раньше, но все же знаменосцам приходилось прокладывать себе путь в схватках, иногда рукопашных.

Им не терпелось поделиться своей радостью: Знамя— над рейхстагом! Ведь изнутри-то его не видно! Крепко сжимая автомат, Кантария бил короткими очередями. Злобные искры сверкали в его серых глазах.

— Капут, фашист, капут! — кричал он, стреляя.

Завернув за угол, они столкнулись со здоровенным немцем. Он был без головного убора, в разодранной светло-голубой шинели, тяжело дышал. Увидев советских солдат, он что-то крикнул, бросил автомат и поднял руки.

— Эка, ручной какой стал! — с усмешкой произнес Егоров. — Брось, не трать патронов, сведем его вниз,— сказал он Кантария, который приготовился было дать короткую очередь.

Вместе с пленным они стали спускаться по лестнице. Навстречу им быстро поднимался боец. Он был весь в грязи, глаза его возбужденно блестели.

— Слышь, ребята! — сказал он, трудно дыша. — Я только что с площади. Неладно у вас со Знаменем получилось. С одной стороны только его видно, а главное — наше Знамя какой-то верховой немец держит. Это уж никак не годится. Меня послали переставить.

Обоих знамеиосцев пронзил жгучий стыд. И как это они ие догадались?

— Ну уж это, брат, оставь, — угрюмо сказал Егоров. — Сами исправим. Топай обратио... Да захвати эту колбасу, — добавил он, указывая на плеиного.

— Ну что ж, сами — так сами, — охотно согласился боец. — Нам все едино. Пошли, что ль, — и он ткнул автоматом в бок подобострастио улыбавшегося гитлеровца.

А Егоров и Каитария снова полезли иаверх.

Мелитон иа бегу страдальчески морщился, а Михаил сплевывал и поматывал головой, изредка произиося:

— Ну и ну!..

Когда они сиова очутились иа крыше подле коня, Кантария размахнулся и ударил его в брюхо, ие пожалев кулака.

— Ты лучше себя по башке тресии, — мрачно посоветовал Михаил. — Да за одио — и меня...

Он осторожно высвободил древко, бережно расправил полотнище и поцеловал его край. Это означало, что досадиое происшествие, слегка омрачившее их первую радость и торжество, всецело относится к их иедальновидности и иисколько не отражается на Знамени.

— Вот куда иадо! — кивиул Каитария на купол, возвышающийся иад крышей.

— Сам вижу, — буркнул Егоров. — Поторопились, дураки.

Прыгая через пробоины в крыше, они подбежали к куполу.

То, что предстало их глазам, было огромно, но иикак не величественно. Раньше сплошь застеклеиный купол, вероятно, победио сиял в лучах солнца, увеичивая мрачное здание и заливая дневным светом самый большой зал рейхстага. Теперь это была просто большая железная решетка, к тому же исковерканная осколками снарядов.

Знамеиосцы стали взбираться наверх по железиым ребрам купола, как по лестнице. Осколки стекол резали им руки, ио они не чувствовали боли и не замечали крови, выступавшей на ладонях. Накоиец достигли самой вершины и, выпрямившись во весь рост, замерли от восторга. Они были на семидесятиметровой высоте над распростертой под иими столицей Германии.

Вот где самое подобающее место для Знамени Победы!

Потом они быстро принялись за дело. Кантария держал древко, а Егоров чехлом прикручивал его к штанге решетки. Готово! И снова Знамя ожило. Волнами побежали складки, открывая то золотую звезду в углу, то серп и молот под нею.

— Давай распишемся! — волнуясь, сказал Кантария.

И они нацарапали железкой свои имена на решетке купола.

В этот момент вдруг грянули наши орудия в одном районе, в другом, в третьем, и вскоре все слилось в потрясающем гуле. Как от землетрясения, рушились стены домов. Рейхстаг дрожал.

— Миша, так это же салют! Понимаешь, салют! — закричал Кантария, когда гром орудий внезапно смолк.

— Значит, наше Знамя увидели. Ваша, ваша! *

Егоров, очарованный, смотрел по сторонам.

— Точно, — медленно сказал он, не отрывая взгляда от пламени, охватившего какое-то здание, — салют. Боевой салют, Мелитон!

Словно с самолета, они увидели панораму борьбы за Берлин, не прекращавшейся ни днем, ни ночью. Передвигавшиеся со всех сторон к центру вспышки и взрывы указывали, что наши войска все плотнее сжимали кольцо вокруг обреченного гарнизона немецкой столицы. Из-за Шпрее вырывался огромный столб багрового пламени, дальше все заволакивал бурый дым. Чуть правее прогремел взрыв. Еще, еще...

На ближней улице было светло, как днем: по обеим ее сторонам горели сплошь дома.

Знаменосцы, наклонившись вперед, махали пилотками, приветствуя Советскую Армию, Армию-Победительницу.

Капитан Неустроев охрипшим голосом кричал в телефонную трубку:

— Алло! Алло! Алло!

Но трубка молчала. Капитану надо было доложить командиру полка об очень важных делах: батальон ворвался в рейхстаг, ведет в нем бой с превосходящими силами противника, нужны груши (гранаты)...

* Ура, ура!

150

Но... Трубка молчала. Где-то порвался телефонный провод, и вдобавок на пути к рейхстагу осколок снаряда вывел из строя рацию. Уже третий раз командир отделения телефонистов сержант Ермаков пытался восстановить телефонную связь. Нелегко под ураганным огнем найти повреждение.

Вот в такой момент Егоров и Кантария с сияющими лицами и появились перед комбатом.

— Разрешите доложить, товарищ капитан, — громко и отчетливо сказал, выступив вперед, Егоров. — Знамя Победы реет на куполе рейхстага.

Неустроев, на мгновенье забыв о своем огорчении по поводу прерванной связи, вскочил и крепко пожал разведчикам руки.

— Молодцы, поздравляю, поздравляю! От всей души...

И, сейчас же вспомнив, снова бросился к телефону:

— Алло, алло! Ах, какая досада, — сказал он, вертя в руке трубку, — связи у нас нет, а надо немедленно доложить командиру полка о Знамени.

— А что, если нам к нему отправиться, товарищ капитан? — спросил Егоров.

— Очень хорошо, сами и доложите.

Но едва разведчики ушли, в телефоне зашипело, затрещало. Усталое лицо Неустроева просияло. Он торопливо приложил трубку к уху, закричал:

— Алло! Товарищ Тридцать три?.. Да, да, это я. Простудился, охрип. Знамя водружено. Вы его видите? Хорошо. Этажи рейхстага очищены. Фашисты остаются в подвалах. Действия координируем с Самсоновым и Давыдовым. Они в правом крыле здания!..

С большим трудом Егоров и Кантария пробились через Королевскую площадь. По-прежнему гитлеровцы усиленно обстреливали ее со всех сторон. Видно, решили не пропускать в рейхстаг новые подкрепления, надеясь на какое-то чудо, которое должно их спасти.

Наконец разведчики добрались до командного пункта полка, разместившегося в «доме Гиммлера». Подполковник Зинченко вышел им навстречу.

— Товарищ подполковник... — начал было докладывать Егоров.

Но Зинченко не дал говорить ему.

— Знаю, знаю, орлы!

Он обнял и расцеловал Егорова и Кантария.

— В журнале боевых действий отметьте особо, — обратился он к начальнику штаба, — когда именно над рейхстагом водружено Знамя Победы!

— Да, — задумчиво произнес он, подойдя к окну и смотря в бинокль на рейхстаг. — Исторический момент. Советское Знамя Победы — над Берлином!..

— Ну что ж, знаменосцы, — обернулся он от окна,— даю вам отдых для сна.

Но знаменосцы думали о другом. Они уже до этого решили не отставать от бойцов в рейхстаге, ведь там не хватает боеприпасов. Они стали таскать ящики с гранатами, патронами в рейхстаг. Доставили рацию. Приходилось снова пробираться через Королевскую площадь, каждую секунду рискуя попасть под разрыв снаряда или под очереди из автоматов и пулеметов.

Все время поглядывали разведчики на струившееся над рейхстагом алое полотнище. Было уже темно, но Красное Знамя Победы сияло в лучах прожекторов над немецкой столицей. Оно было родным и близким, словно часть их самих переместилась туда наверх и горит красным немеркнущим светом.

— Глянь-ка, — сказал с беспокойством Егоров, когда они переносили через площадь рацию, — перекосилось оно как будто. Нехорошо это, Мелитон.

Кантария, приложив руку ко лбу, всмотрелся.

— Точно, Миша. Надо поправить.

Сдав рацию и попросив у связиста телефонный провод, разведчики поспешили на крышу. Они бежали по той же лестнице, зажав в руках автоматы, готовые ко всяким встречам. Но кругом было спокойно. Стремянка оказалась на месте, и разведчики, поднявшись по ней, через несколько минут очутились на крыше. Знамя действительно наклонилось несколько в сторону площади. Егоров и Кантария, подтягиваясь на руках и снова порезав себе ладони, быстро взобрались по переплету купола наверх. Егоров туго, в несколько рядов обмотал древко проволокой и привязал его с двух сторон к железным планкам. Кантария, как и прошлый раз, держал Знамя. Кончив, оба выпрямились и посмотрели вниз.

Уже рассветало. Утро Первого мая занималось над Берлином. Но ничто кругом не напоминало о большом празднике, который так величаво проходит в наших го-

родах и селах. Внизу гремела канонада, рушились дома. Где-то, невидимые, гудели советские самолеты. То и дело они прорывались сквозь слои дыма и копоти вниз и, носясь на бреющем полете над улицами и площадями, поливали пулеметным огнем фашистов, тупо и бессмысленно сражавшихся по приказу своего обезумевшего фюрера.

Кантария протянул Егорову руку и сказал торжественно:

— С праздником Первого мая, Миша.

И руки их сплелись в крепком пожатии.

В этот день хмурый рейхстаг преобразился: на колоннах, в окнах всех четырех этажей плескались красные флаги и знамена, укрепленные представителями всех родов войск Советской Армии: пехотинцами, танкистами, минометчиками, саперами, минерами, связистами, летчиками и химиками.

24

Очистив все этажи от фашистов, командиры батальонов Неустроев, Самсонов и Давыдов, посовещавшись, блокировали выходы из подвалов, где сосредоточился теперь весь оставшийся немецкий гарнизон.

Вскоре из одного выхода показался белый флаг. Была дана команда не стрелять. На лестничную клетку вышел эсэсовец в черном мундире, высокой черной фуражке и объявил:

— Генерал пришлет сюда представителей для переговоров. От вас должен быть офицер в звании не ниже полковника.

— Присылайте, поговорим, — ответил Неустроев и связался с Самсоновым: как быть? В рейхстаге нет полковника, а показывать это гитлеровцам не следует. Решили устроить маскарад — переодеть лейтенанта Береста в полковника. Погоны случайно нашлись. Вновь произведенный «полковник» осмотрел себя в разбитое стенное зеркало и направился в назначенное место, прихватив с собой двух офицеров-«адъютантов».

На площади уже стояли гитлеровцы — полковник и два офицера. Один из них держал белый флаг.

— Мы готовы подняться наверх при одном условии, — сказал, козырнув, немецкий полковник.

— Что это за условие? — спросил Берест.

— Вы должны сложить оружие, — сказал немец. — Мои разведчики подсчитали, что вас в рейхстаге не более четырехсот человек, а у меня около трех тысяч. По существу вы у меня, а не я у вас в плену.

Берест был поражен: вот наглость! Но сдержался и спокойно ответил:

— Ваша судьба предрешена. Рейхстаг окружен, над ним — Красное Знамя.

Берест возвратился и сообщил о результатах переговоров. Комбаты недоумевали: что же все-таки за цель преследовали гитлеровцы, выкинув белый флаг? Ведь не могли же они всерьез думать именно так, как сказал их полковник.

Зазуммерил телефон. Говорил Тридцать три — командир полка Зинченко:

— Мы перехватили радиограмму, которую послал гитлеровский генерал своему командованию из рейхстага: «Прошу срочно подослать снаряды, фаусты. Держу оборону, но выходов из подвала не имею. Чтобы затянуть время, выразил желание начать переговоры».

Все стало ясно.

— Ну что ж, приготовимся. И прежде всего усилим заслоны у выходов, — сказал Неустроев.

На этом и порешили.

Однако положение у горстки советских храбрецов было тяжелое. Гитлеровское командование решило во что бы то ни стало отстоять рейхстаг как опорный пункт для последующих операций по «изгнанию красных из столицы». Известно, что до последнего момента Гитлер надеялся на приход англо-американцев и на помощь своих армий. Отсюда — его полное пренебрежение к участи штурмуемой столицы и ее населению, отсюда и сумасшедший приказ — «стоять до последнего солдата».

Чтобы не пропустить подкреплений к прорвавшимся в рейхстаг, немцы держали все подступы к нему под непрерывным огнем. Проникшие в здание советские бойцы оказались отсеченными от своих. Боеприпасы были на исходе, пища не подвозилась, и люди питались только скудным запасом, который еще имелся у каждого в вещмешке, — консервами и сухарями. И все же воодушевление этих людей, жажда победы и вера в нее творили чудо. Несравненно более сильный численно, от-

лично вооруженный гарнизон рейхстага был сбит с этажей огромного здания и загнан в подвальные помещения, выходы из которого оказались для него непреодолимыми. Не советские бойцы, как на то рассчитывали фашисты, а защитники рейхстага очутились в каменной ловушке.

25

Глубокой ночью, считая, что «красные» не могут не быть обессилены непрерывными боями и теперь отдыхают, немцы вновь предприняли контратаку. Стреляя из автоматов, бросая гранаты и фаустпатроны, они выскакивали из подвала, стремясь пробраться на этажи, чтобы взять в кольцо находившихся в залах и коридорах советских воинов. Но всюду их встречал плотный сосредоточенный огонь.

Егоров и Кантария и здесь не могли удержаться, чтобы не «обследовать местность». Обшарив все закоулки и не найдя сначала ничего интересного, они в одной из комнат вдруг наткнулись на хорошо замаскированный склад фаустпатронов.

— Ва! Я же тебе всегда говорил, Миша, что нам везет! — в восторге воскликнул Кантария. — Будем бить фашистов их же изобретением!

И вот теперь эти большой разрушительной силы снаряды вместе со связками противотанковых гранат полетели на лестницы и в подвалы. Контратака была отбита. Однако часть гитлеровцев успела пробиться в два пустовавших зала. Снова вспыхнул бой, то и дело переходивший в рукопашную схватку. Фаустпатронами наши бойцы разрушили часть балкона, и гитлеровцы падали оттуда прямо на мостовую. Залы были очищены гранатами. Но, спеша в подвалы, гитлеровцы прибегли к последнему спасительному, по их мнению, средству: подожгли и круглый зал.

Пожар стал распространяться по комнатам и залам. Это было хуже, чем немецкие пули и фаустпатроны: в дело вступила стихия. Попытки потушить пожар сначала ни к чему не приводили. Горючего материала было достаточно. Под багровыми языками трещала сухая старинная мебель, поднимались паркетные полы, пылали деревянные покрытия и украшения в комнатах, вспыхивали груды бумаги. Бойцы перебегали из одного помеще-

ния в другое, спасая от взрывов боеприпасы, однако не ослабляли автоматного огня против наседавшего врага, который какими-то неизвестными путями просачивался из подвалов наверх и накапливался в разных местах.

Пожар полыхал главным образом в коридоре, захватывая прилегающие помещения. В дыму и пламени разрывались гранаты, взвизгивали пули, ударяясь о стены. Бойцы отвечали дружным огнем, укрываясь за ящиками и мешками с песком. Когда пламя наполняло комнату, они, закрыв лица плащ-палатками, проскакивали в другую. Наконец осталось лишь несколько удаленных от коридора не тронутых пожаром помещений и среди них — большой угловой зал, куда были раньше снесены тяжелораненые; никто из получивших легкие ранения не уходил из боя; они стреляли из автоматов, лежа на полу.

В этот зал Неустроев переместил свой командный пункт. Отсюда он связался с командиром полка, доложил о создавшейся обстановке.

— Что предполагаете делать? — спросил Зинченко.

— Биться до конца, товарищ Тридцать три.

Трубка долго молчала, Неустроев хотел было уже положить ее, думая, что полковник прекратил разговор. Но в этот момент послышался голос командира полка. Он говорил необычно тихо и медленно.

— Алло! Разрешаю вам действовать самостоятельно, вплоть до... оставления рейхстага.

Последние слова прозвучали глухо, но твердо.

— Посоветуйтесь с братьями, — прибавил полковник (братьями условно назывались командиры батальонов — Самсонов и Давыдов).

Неустроев в тяжелом раздумье опустил трубку. Положение с каждым часом ухудшалось. Противостоять приходилось не только гитлеровцам, но и главным образом грозно наступавшему пламени. Оно теснило бойцов. Иные, послабее духом — больше из новичков недавнего пополнения, вполголоса говорили:

— Сгоришь тут без толку. Лучше бы — на улицу и за Берлин драться...

А если это — общее мнение и остальные просто молчат? Тогда оставаться нельзя... Но ведь дерутся же зло и упорно... геройски. Что же делать?..

Неустроев созвал всех офицеров. Они пришли обгорелые, пропахшие дымом, черные от копоти. Капитан передал им разговор с командиром полка, спросил их мнение. Раздались возбужденные голоса:

— Из рейхстага не уйдем!

— Не имеем права оставить рейхстаг!

— Что скажет о нас народ?..

Глаза Неустроева блеснули. Чувство гордой радости охватило его. Подумалось: «все мы одного, советского покроя».

— А бойцы как? — осторожно спросил он.

— Узнаете у них самих, — ответил Берест.— Все они того же мнения... За исключением, может быть, нескольких.

Офицеры разошлись по своим боевым местам.

На решение этого своеобразного «военного совета» горячо откликнулись комсомольцы, тотчас же созвав свое «общерейхстагское» собрание. Чтобы не оголить боевые участки, его решили сделать делегатским — из представителей всех подразделений.

В боевой обстановке—в траншеях и блиндажах— не раз проводились такие собрания накоротке. Фронтовики привыкли к ним. Но это все же было необычным. Разместившись за колоннами и другими укрытиями, комсомольцы стояли с автоматами наготове — в любую минуту можно было ожидать контратаки гитлеровцев.

Быстро избрали президиум: Чубов, Кухта, Иванов, Кантария. Но каждый оставался на своем месте. Выслушали сообщение комсомольца капитана Неустроева. Взял слово Кантария.

— Какой может быть разговор об уходе? — крикнул он из-за колонны. — Знамя Победы — над рейхстагом. Не для того его водружали, чтобы потом удирать с позором. Это ведь боевое Знамя всей армии!..

Из-за другой колонны боец с красным обожженным лицом подхватил:

— Из рейхстага уйдем только победителями — вот наше решение. Так и запишите в протокол.

— Много говорить нечего, — решительно пробасил Егоров, примостившийся у бочки рядом с Кантария. — Все ясно и так. Биться будем до последнего.

Одобрительный гул был ему ответом.

— У меня есть проект резолюции, — сказал Иванов,

сосредоточенно писавший в блокноте, положенном на ящик. — Разрешите?

И он прочел: «Делегатское комсомольское собрание постановляет: стоять насмерть на страже водруженного Знамени Победы, своим поведением увлекать остальных бойцов. Рассказать бойцам нового пополнения о героях боев за Берлин. Считать великой честью каждого комсомольца, как можно больше истребить гитлеровцев и удержать рейхстаг в своих руках».

— Есть изменения, дополнения?

— В целом! Принять в целом!..

Автоматы и винтовки, голосуя, дружно вскинулись над головами.

Через полчаса капитан Неустроев, склонившись над микрофоном рации, передавал командиру полка необычное донесение: «Я — уралец. Товарищ Тридцать три, сообщаю постановление комсомольского собрания...»

Решение комсомольцев мгновенно облетело бойцов. Оно отвечало общему настроению. По рукам уже ходила листовка-молния: «На рейхстаге реет Красное Знамя. Фашисты поджигают комнаты, они хотят выкурить нас из рейхстага. Это никогда не произойдет. Мы все стоим насмерть, защищая честь нашего знамени, честь нашей любимой Родины».

Бойцы дрались с еще большим подъемом, страстно, упорно, борясь на два фронта: с гитлеровцами и с пожаром.

26

Штурмовая рота капитана Ярунова, находившаяся в нижнем этаже, очутилась в критическом положении. Языки пламени жадно облизывали стены. На бойцах тлели шинели, гимнастерки. Капитан решил перебросить роту наверх. Гитлеровцы подумали, что наши бойцы, выбираясь обходным путем из огня, покидают рейхстаг. Большая группа осажденных, незаметно выскользнув из подвала, устроила наверху засаду.

Егоров и Кантария, пробравшиеся вперед роты, обнаружили притаившихся немцев и доложили об этом Ярунову.

— Ай да молодцы разведчики! — восхищенно сказал он и повел роту в обход.

Прорвавшись через зону огня, бойцы очутились в тылу у противника и пустили в ход граиаты. Застигиутые врасплох гитлеровцы бросились вииз и наткнулись иа роту Сьяиова. Автоматиые очереди заставили их бежать влево, где оии и иашли свой бесславиый конец: там гудело сплошиое пламя.

— Такова уж, видио, судьба гитлеровцев, — сказал Ярунов, — с поджога рейхстага иачали, в своем огие и гибиут.

По лицу Сьяиова сбегали крупиые капли пота. Ои подхватил полу шииели, чтобы обтереться ею, ио до лица не доиес: истлевшая пола рассыпалась.

Солдаты были страшио утомлеиы беспрерывиыми боями, задыхались от жары и едкого дыма. Раскалеииые затворы обжигали руки. По времеиам тот или другой валился с иог, засыпал иа иесколько минут. Потом вскакивал и сиова бросался в бой.

Непрерывио приходилось отбивать коитратаки гитлеровцев, которые иеведомо каким образом просачивались в верхние этажи рейхстага.

— Где у иих иора? Откуда оии лезут? — озабочеиио спросил Каитария у Егорова, лежа рядом с другом иа полу и строча из автомата. — Надо иайти, Миша.

И они стали искать.

Добравшись до коица одиого из коридоров, почему-то пощажениого огием, разведчики увидели, что он до самого потолка загроможден ящиками и бочками. Оии были пусты и стояли правильиыми рядами. Сбоку, у самой стены, высилась целая гора из щебия, обломков кирпича и поломаииой мебели.

— Эге, подозрительио! — сказал Каитария. — Обследуем.

Осторожио оии подиялись иа верх кучи. У самой стеиы зияло большое отверстие в полу.

— Так. Это и есть иора, — удовлетвореиио сказал Каитария. — Подождем крыс, Миша.

Они изготовили автоматы, выиули кольца из граиат. Едва успели это сделать, как виизу послышался шорох, и через иесколько секуид в отверстии показались одна за другой три головы в касках. Разведчики дали иемцам высуиуться иаполовииу и прошили их автоматами. Потом вскочили и метиули в дыру граиаты. Виизу раздались крики, стоиы, и затем все смолкло.

— Карауль здесь, Мелитон, — сказал Егоров, — а я сбегаю, доложу командиру роты.

Скоро он вернулся с группой бойцов, посланных Сьяновым сторожить потайной выход. Теперь гитлеровцы оказались окончательно замурованными в обширных подвалах рейхстага.

На Бранденбургских воротах уже развевалось Красное Знамя, водруженное сержантом Воликом, первым подбежавшим к арке. Но в оторванном от общей битвы за Берлин рейхстаге весь день первого мая гремел бой, не прекращалась борьба с пожаром. В этот день, к общей радости, в стенах совсем не праздничного, кипящего боевой жизнью здания появился командир полка и комендант рейхстага Зинченко. Он переместил сюда свой штаб и командный пункт. Обходя бойцов, он поздравлял их с первомайским праздником, благодарил от лица командования и советского народа за то, что отстояли Знамя Победы, пламенеющее над Берлином.

Вместе с Зинченко прибыло подкрепление, появились саперы, тотчас же начавшие планомерную борьбу с пожаром, и он стал затихать. Теперь бойцы целиком могли заняться подвалами. Туда полетели гранаты, фаустпатроны, сопровождаемые возгласами:

— Первомайский привет!

— Получай праздничный гостинец!

Все реже и реже отвечали осажденные в подвалах гитлеровцы. Наконец они перестали подавать какие-либо признаки жизни.

— Очевидно, выдохлись, — сказал Неустроев командиру полка. — Скоро возьмем их голыми руками.

— Не торопитесь, — возразил Зинченко. — Их еще много. Что-нибудь, небось, придумали, дьяволы.

И действительно, внезапно гитлеровцы массой вывалились из входа в подвал, сбили заслон и, непрерывно стреляя из автоматов, набросились на советских бойцов. Потом пленный рассказал, что за день перед этим, по приказу Гитлера, на помощь осажденным в рейхстаге было прислано около четырехсот отборных моряков-головорезов, проникших в рейхстаг со стороны Тиргартена. Красноармейцы залегли и с пола били из автоматов, винтовок и ручных пулеметов. Между ними лежали, стреляя, офицеры. Заработал станковый пулемет, загремели, разрываясь в гуще нападавших, гранаты. Потом

бойцы без приказа поднялись в атаку. Рукопашная схватка была свирепой, но короткой. Немцы не выдержали, хлынули назад. Вдогонку полетели гранаты. Сьянов хотел было броситься со своей ротой за ними в подвал, но Зинченко остановил:

— Не надо. Лишние жертвы. Это их последняя попытка.

И приказал вновь выставить у входа усиленные заслоны.

Догорали залы со всей своей пышной обстановкой и кинутым немцами оружием. Со стен и потолков рушилась дубовая облицовка, на полах грудами шипел раскаленный уголь. В западной части здания еще вспыхивало длинными языками пламя и удушливый дым поднимался в купол, распространяясь по залам. От него слезились глаза, горько щипало в горле. Едким смрадом разило от горевших трупов. Слышались стоны раненых, санитары уносили их на перевязку.

Бои прекратились. Солдаты подразделениями разместились в выгоревших залах и отдыхали, выставив охранения.

Сьяновцы собрались вокруг своего командира, сидевшего на постаменте разбитой статуи и с грустью поглядывавшего на них. От смертельных схваток уцелело только двадцать четыре человека. Черные от сажи, с белеющими почти у каждого повязками, в обгорелых шинелях — они полулежали и сидели на полу, и предельная усталость сквозила в их медленных движениях. Но Сьянов знал, что стоит ему позвать своих героев в бой, и они последним усилием встряхнут себя, сожмут автоматы, выхватят из-за поясов гранаты. И тепло светились глаза командира, когда он спрашивал то одного, то другого, туго ли тому пришлось в недавней схватке. Старшина Мальцев принес из полковой кухни ужин. Накоротке перекусили. От усталости бойцы едва пережевывали пищу, хотя давно уже не ели. Смертельно хотелось спать.

— Пошли на свежий воздух, ребята, — сказал Сьянов, тяжело поднимаясь, — там поспим, пока можно. Наш участок я уже передал смене, и мы пока что свободны.

Гурьбой, зевая и пошатываясь, вышли на площадку

перед рейхстагом, легли иа камениые плиты и сразу же все заснулн, вместе с команднром...

Два-трн часа в подвалах рейхстага царила полиейшая тншииа. Потом нз одного входа медлеино поднялся длниный шест с белым лоскутом. Из заслона доложнлн комаидиру полка Зннчеико, что гнтлеровцы просят прнслать представителя для переговоров.

— Уже не требуют полковннка, — миогозначнтельно заметнл Берест. — Пошлем нм старшего сержанта Сьяиова — ои решнтельный и умиый человек.

Связной с командиого пуикта полка разыскал Сьянова средн спящнх н легонько потряс его за плечн. Сьянов тотчас же вскочнл н уже хотел было крнкнуть: «Рота, к бою!», как связиой, догадавшись, быстро закрыл ему рот рукой.

— Ребят не надо будить, товарнщ старшнй сержант, — тнхо сказал ои, — вас одного просят иа КП полка.

Сьяиов вошел четким шагом, доложнл Зннчеико о прнбытнн. В комиате было иесколько офицеров. Лейтеиант Гусев держал шниель, рядом стояли иовые сапоги.

— Как себя чувствуешь? — спроснл Зннченко, вглядываясь в осуиувшееся лнцо старшего сержаита.

— Отличио, товарнщ подполковиик, — бодро ответил, вытягнваясь, Сьяиов.

— Ну, уж ие отлнчно. Но иичего ие поделаешь. Прндется еще подиатужиться — парламентера немцы вызывают, н мы вот тебя решилн послать. Как, возьмешься?

— Благодарю за честь, товарищ подполковиик. Постараюсь оправдать.

— Тогда брейся, переодевайся н — марш! С тобой пойдут переводчик сержант Дужиискнй и сопровождающнй с флагом. Выйдете нз рейхстага и иаправнтесь на южную его стороиу. Там вас будут ждать иемецкне парламентеры. Ну, желаю удачн.

Было уже темно, когда трн советскнх послаица вышлн из главиого подъезда рейхстага. Каноиада затнхла, н только кое-где еще слышалась ружейиая стрельба. Чувствовалось, что Берлии начал капнтулнровать, не дожндаясь приказа своего верховиого комаидоваиия. Упрямо держалась еще последняя гнтлеровская цнтадель — рейхстаг.

Сьянов сильным светом электрического фонаря освещал белый флаг, который на коротком древке нес перед собой сопровождавший. Идти пришлось недолго. Луч фонаря уперся в высокую кирпичную стену, перегородившую улицу. И тотчас из темноты сбоку затрещали пулеметы, засвистели пули над головами, посыпались осколки кирпича. Парламентеры упали и поползли обратно. Оказавшись в безопасности за выступом стены рейхстага, остановились.

— Здесь не пройти, — сказал Сьянов, — попытаемся — с севера.

Снова встали во весь рост и пошли, огибая рейхстаг с противоположной стороны. Миновали бывшие немецкие траншеи, занятые нашими бойцами. Приблизившись к рейхстагу, Дужинский громко сказал по-немецки два раза:

— Не стрелять. Идут парламентеры.

За бруствером стояла зловещая тишина. Вдруг оттуда крикнули по-русски:

— Довольно войны!

И снова—тишина, никакого движения. Парламентеры стояли, не зная, что делать. Наконец тихо открылась боковая дверь, на улицу хлынул электрический свет, и в сопровождении группы солдат вышли два офицера. Один — в полной фашистской форме: в коричневой фуражке с синим кантом, коричневой куртке с золотыми нашивками и свастикой, коричневых галифе и таких же сапогах. Он поморщился, увидев перед собой только старшего сержанта, но ничего не сказал.

— Пойдемте к начальству, — сказал на приличном русском языке другой офицер в армейской форме лейтенанта.

В узком длинном коридоре горел яркий электрический свет. В коридор выходили двери ряда комнат. У одной из них остановились. Офицер постучал, потом осторожно приоткрыл дверь. Комната была пуста. Пошли по каким-то извилистым закоулкам. Но в другой комнате тоже никого не оказалось. В третьей — та же картина. Лейтенант слегка пожал плечами, искоса посмотрел на советского парламентера и двинулся было по коридору, но Сьянов твердо сказал:

— Дальше не пойду. Давайте вести переговоры здесь, без вашего начальства.

Фашист быстро, с видимым уважением взглянул на него.

— Неужели вам не ясно, — спокойно продолжал старший сержант, — что ваше начальство просто сбежало, оставив вас расхлебывать кашу.

Офицеры молчали, хмуро глядя в сторону.

— Вот наши условия, — сказал Сьянов, — подземный гарнизон должен сложить оружие и выйти из рейхстага. Советские воины не тронут капитулировавших. Все.

— Нам ничего не остается делать, как только согласиться, — тихо сказал лейтенант. — Солдаты отказываются драться.

— И правильно делают, — согласился Сьянов. — Драться — совершенная бессмыслица. — И, козырнув, направился к выходу.

Было около шести утра, когда Сьянов вышел из подземелья и доложил командиру полка о согласии гитлеровцев на полную капитуляцию.

27

Скоро примолкший подвал оживился. Немцы, аккуратно складывая оружие в кучу, выходили наружу. Сьянов внимательно присматривался к ним. Офицера-фашиста он среди них не нашел.

По Королевской площади понуро вытягивалась нестройная колонна пленных. Под конвоем победителей, державших перед собой автоматы, они шли, не глядя по сторонам, осторожно обходя воронки и другие, ими же созданные, многочисленные заграждения и препятствия на пути. Шли молча, заложив руки за спину или бессильно опустив их вдоль тела. Лишь изредка кто-нибудь цедил что-то сквозь зубы рядом идущему, и тот угрюмо кивал в ответ.

А давно ли гитлеровцы на этой же площади под оглушительную трескотню барабанов старательно отбивали «гусиный» шаг и неистово кричали: «Хайль Гитлер!», «Дранг нах Остен!» *

Когда участники боев в рейхстаге вышли на площадь, они не узнали здания, которое штурмовали несколько дней назад. Огромный хмурый дом теперь весь сиял, алея множеством знамен и флажков. И стены, и колонны зда-

* Вперед на восток!

ния были испещрены надписями. Около них толпились бойцы, читали:

«Мы — из Москвы».

«Мы — из Баку».

«Мы — из колхоза «Рязань».

«Знай наших! Сибиряки».

«Мы пришли сюда, чтобы Германия к нам не ходила!»

«Слава русскому народу!»

И много, много других торжествующих надписей оставили здесь победители, прибывшие со всех концов необъятной страны.

Артиллерист Галкин обвел мелом пробоину в стене и начертал:

«Это — мой снаряд».

Рядом наводчик Недосекин вывел:

«И мой тоже попал!»

На Королевской площади становилось все многолюднее. Сюда собирались представители всех родов оружия. В небе появились краснозвездные самолеты. Их вели Герои Советского Союза Буянов, Ткаченко, Лавейкин, Песков, дважды Герой Советского Союза Ворожейкин. Сделав приветственный круг, они сбросили Красное Знамя.

Площадь бурно аплодировала, пока Знамя медленно опускалось на землю. Его подхватили десятки рук. На одной стороне было написано:

«Победа!»

На другой:

«Слава советским воинам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!»

...А в рейхстаге в это время шло заседание партийной комиссии.

Когда штурмовали рейхстаг, парткомиссия заседала в подвале разбитого дома—на командном пункте командира полка. Сюда приходили люди, вырвавшиеся на несколько минут прямо из пекла боя. Лейтенант Кашкарбаев явился из рейхстага, где он со своим взводом громил гитлеровцев. Его приняли в партию, а спустя полчаса он снова во главе своего взвода бил врага в рейхстаге.

Теперь партийная комиссия расположилась в круглом зале, где недавно шли жаркие бои. Партия принимала в свои ряды победителей. Первым рассматривалось заявление капитана Степана Андреевича Неустроева.

Бесстрашный комбат очень волновался. Щеки его пылали, он упорно смотрел себе под ноги. Когда, как из чудесного далека, до его сознания дошло, что он принят, капитан бросился, словно в атаку, из зала и попал прямо в объятия ожидавших его друзей, боевых соратников. Его горячо поздравили. Счастливо улыбнувшись, он сказал:

— А и перетрусил же я, братцы!..

28

В ночь на первое мая, когда в рейхстаге еще гремел бой, гитлеровское главное командование прислало парламентеров с предложением прекратить огонь и начать переговоры о заключении мира.

Им ответили:

— Никаких переговоров. Безоговорочная капитуляция.

Боевые действия продолжались. Весь день первого мая по инерции, тупо, бессмысленно отстреливались из последних опорных пунктов деморализованные солдаты от неумолимо сжимавших кольцо окружения советских войск. Поверженный Берлин уже пестрел алыми знаменами, водруженными победителями, и белыми флагами, выставленными населением. А растерявшиеся гитлеровские главари не знали, что предпринять, не решаясь сделать последний, роковой для них шаг. Но события развивались своим чередом.

Истинные патриоты Германии, бесстрашно и неутомимо боровшиеся с Гитлером немецкие антифашисты, обратились к войскам берлинского гарнизона с горячим призывом:

«Солдаты! Фольксштурмовцы!

Начинается последний акт трагедии нашего народа. Преступное руководство еще продолжает совершенно безнадежную борьбу, хотя давно уже стало ясно, что неприятель обладает громадным перевесом в людях и вооружении.

Солдаты!

Вас снова и снова гнали на безнадежную борьбу, вся Европа усеяна могилами ваших товарищей. Не за Германию погибли они, они погибли за фашистских преступников.

Фольксштурмовцы!

Сознавая свою несостоятельность, предчувствуя неизбежную гибель, фашистские злодеи в бессильной ярости бросили вас в огонь войны, чтобы продлить хоть на несколько дней свое жалкое существование.

Солдаты! Фольксштурмовцы!

Не давайте губить себя! Каждый ваш выстрел может только продлить муки ваших жен и детей. Положите конец кровавому безумию.

Боритесь за новую, лучшую Германию!»

...Второго мая в пять часов утра медленно поднялась бетонная плита на Фосштрассе, прикрывавшая вход в подземный штаб командующего обороной Берлина, военного коменданта столицы генерала артиллерии Вейдлинга. Отряд советских офицеров взял на изготовку автоматы. Из убежища неловко вышел немецкий генерал в мундире с рыцарским крестом и золотыми эполетами. Его ждала бронированная машина.

В шесть утра последний комендант гитлеровского Берлина подписал в доме на Шуленбург-ринге акт о безоговорочной капитуляции и последний свой приказ берлинскому гарнизону.

Приказ гласил:

«Берлин, 2 мая 1945 года.

30 апреля 1945 года фюрер бросил нас, поклявшихся ему в верности, на произвол судьбы. Согласно приказу фюрера вы считаете своим долгом сражаться за Берлин, хотя нехватка вооружения и боеприпасов и общая военная обстановка делают сопротивление бессмысленным.

Каждый час дальнейшей вашей борьбы увеличивает невыносимые страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. По соглашению с Верховным Командованием советских войск, я приказываю вам немедленно прекратить сопротивление.

Вейндлинг,
генерал артиллерии, командующий
обороной Берлина».

С утра же началась массовая капитуляция гитлеровских войск. За один только первый день сложили оружие сто тридцать тысяч солдат и офицеров. Тупо брели в плен длинные колонны немцев. На их пути вырастали

холмы складываемого оружия вместе со смятыми знаменами, «украшенными» зловещей свастикой.

Берлинцы, робко оглядываясь по сторонам, вылезали из подвалов, бомбоубежищ с чемоданами, узлами, складными кроватями. Грязные, изможденные, голодные, они с глубокой скорбью глядели на пленных, конвоируемых советскими солдатами с автоматами на изготовке. Ведь среди этих, потерявших воинский вид и достоинство, обманутых людей были их родные, близкие. Но у многих гневом и несдерживаемым злорадством сверкали глаза, когда они узнавали эсэсовцев, обреченно шагавших в толпе пленных.

В приведенной к покорному молчанию, разрушенной столице осталось еще около двух миллионов жителей — женщин, детей, стариков, инвалидов, больных, множество раненых солдат. С ними, как и с самой столицей, рассматриваемой только как крепость, Гитлер и его фашистское окружение не считались, словно их вовсе не существовало. Беспримерны та свирепая жестокость, то высокомерное презрение, с какими относились эти изверги к своим соотечественникам. Благородные движения человеческой души — гуманизм, сострадание, совесть — были им чужды. Важно было одно — отдалить час гибели, получить хотя бы небольшой выигрыш во времени: может быть, выдохнутся «красные». Может быть, вообще свершится какое-нибудь чудо. Поэтому — «биться до последнего солдата», поэтому — бросать больных и раненых на произвол судьбы. Поэтому — наплевать на столицу «империи» и ее население.

Очевидцы с ужасом и гневом рассказывали, как «по стратегическим соображениям» затапливались подземные помещения, станции метрополитена с находившимися в них людьми, как пикирующие гитлеровские бомбардировщики обстреливали, не разбирая, советские войска, стремившиеся к Берлину, и берлинских беженцев, идущих рядом по обочинам дорог. Нельзя без содрогания читать такое свидетельство очевидца-антифашиста:

«Дети, женщины, старики, раненые солдаты посиневшими утопленниками с безобразно вздутыми животами, не зная покоя, носятся между Ангальтским и Штеттинским вокзалами, под мостовыми Берлина, потому что эсэсовцы решили взорвать непроницаемую переборку Ландвер-канала».

Это был тяжкий, трагический урок для немецкого народа, урок, оголивший все чудовищное нутро фашизма, раскрывший его звериный лик...

А в магистрали Берлина, как полые шумливые весенние воды, вливались радостные, ликующие победители. Их веселые, приветливые лица как-то сразу стали внушать доверие. Они улыбались настороженно смотревшим на них горожанам, ободряюще махали им руками, подхватывали беспризорных ребятишек и сажали их к себе на плечи. Двигались сплошным потоком перевитые красными лентами, пестревшие алыми флагами танки, автомашины, воинские повозки. Лязгали гусеницы, гудели бесчисленные моторы, мерно топали тяжелые солдатские сапоги. И со всех сторон гремели оркестры, заливались баяны, взлетали ввысь песни, и звонкие подголоски простодушно уверяли берлинцев, что

Страна моя,
Москва моя,
Ты — самая любимая!..

Егоров и Кантария бродили по рейхстагу, осматривая места только что отзвучавших боев.

Невозможно передать тот хаос, который царил здесь. Больше половины комнат и залов было выжжено пожаром, в уцелевших валялись обломки статуй, исковерканные кресла, разбитые зеркала, ящики, мешки, оружие, стреляные гильзы и горы всякого мусора. В развороченные окна врывался ветер. У двери одной комнаты часовой загородил разведчикам дорогу:

— Сюда нельзя.

В чем дело? Кантария попробовал уговорить бойца, но только рассердил его:

— Проходите, проходите, а то караул вызову.

— Безобразие! — возмутился Кантария. — А ты знаешь, кто Знамя Победы над куполом водрузил?

— Ну, знаю — младший сержант Кантария и сержант Егоров.

— Вот это мы и есть. Теперь пустишь?

Часовой посмотрел на погоны, но сдался не сразу.

Оба развернули комсомольские билеты. Часовой просмотрел.

— Героев пропущу. На свою ответственность. Только глядите, чтобы об этом — никому! — И шепотом добавил: — Тут сам Гитлер!.. в мертвом виде.

Вот это да! Разведчики на цыпочках вошли в комнату. Так и есть — на полу лежал труп Гитлера — «фюрера», каким его во множестве можно было видеть на немецких плакатах и в газетах. Костюмчик, правда, плоховат, к тому же разорван, одна нога без ботинка и носок заштопан. Но чего не бывает в свалке! Вся грудь залита кровью, верно, свои же штыком саданули напоследок злодея.

— Где это его кокнули?—спросил Егоров у часового.

— Нам про то неизвестно.

— Жаль, что не мы с тобой, Миша, прикончили, — сказал Кантария.

— Его б сразу-то и не надо было кокать, — заметил Егоров. — Перво-наперво — заставить бы на купол слазить, на советское Знамя Победы взглянуть, а потом в клетке, как зверя, повозить по Европе.

— Выключен из игры, — сказал Кантария. — А мечтал быть всемирным фюрером.

— Побременил-таки землю, пес окаянный, — сказал Егоров и ожесточенно сплюнул.

— Низший тип человека, — заключил Кантария.

Они постояли еще с минуту молча, с ненавистью глядя на распростертый на полу труп.

Потом оба тихо, брезгливо морщась, вышли из комнаты...

Привыкшие к скрытности, разведчики на этот раз не могли воздержаться и рассказали все комбату Неустроеву. К их удивлению, капитан, выслушав, звонко расхохотался.

Заметив смущение разведчиков, он пожалел их:

— Понимаете, это же не Гитлер, а двойник его! Между нами говоря, я тоже было на эту удочку клюнул. Оказывается, таких гитлеров в Берлине уже одиннадцать обнаружили. А настоящий, говорят, отравился. Расчет, очевидно, был — следы запутать, когда он еще жив оставался. Наверно, этих двойников сами фашисты и убивали.

— Не иначе, — сказал Егоров.

— А зачем же нашего часового поставили? — досадливо спросил Кантария.

— Так, на всякий случай. Мало ли что бывает, — неопределенно ответил Неустроев...

Вечером Зинченко вызвал Егорова и Кантария.

— Вот что, товарищи, герои дорогие, пришла телеграмма, — весь сияя, сказал он. — Мы едем в Москву для участия в параде Победы на Красной площади. А вам, друзья мои, придется еще раз на купол слазить. Надо заменить Знамя. Это приказано везти в Москву.

В четвертый раз Егоров и Кантария поднялись на крышу рейхстага. Кантария нес завернутое в чехол новое Знамя. Шли они неторопливо по гулкому железу. Старое Знамя Победы гордо реяло над Берлином. Разведчики остановились под ним у купола.

Теперь Берлин выглядел по-иному.

Сейчас он распластался во множестве разрушенных, обезображенных домов, затихающих пожарищ, исковерканных улиц и площадей. Серый дым еще цеплялся за крыши. В поверженной столице после несмолкавшей ни днем, ни ночью, яростной артиллерийской дуэли стало зловеще тихо. Улицы и площади были заполнены людскими массами, но их движение не доносило сюда звуков, сливаясь в смутный гул. Было два человеческих потока, резко обособленных в этом движении. Прежде всего бросались в глаза нескончаемые стройные, движущиеся во всех направлениях прямоугольники советских воинских частей с бесчисленной техникой. Затем по широким магистралям извивались длинные изорванные колонны пленных.

А у стен разрушенных домов жались растерянные, не знающие, как вести себя, жители города. Осиротевшие, беспризорные дети сновали по тротуарам.

Берлин капитулировал.

Егоров и Кантария просветленными глазами посмотрели друг на друга и полезли на верх купола. Движения их были медленны, спокойны. Они старались не порезаться о торчавшие из рамок осколки стекла. Егоров отвязал древко боевого Знамени, Кантария снял чехол с принесенного. Стараясь, чтобы Берлин ни на секунду не остался без Знамени Победы, Кантария быстро развернул полотнище и крепко держал древко обеими руками. А Егоров в это время, сложив старое Знамя, закреплял новое на прежнем месте.

И вот уже Красное Знамя, как часовой, без промедления сменивший товарища на его посту, победно колышется над Берлином.

Потом разведчики осторожно спустились вниз. Они

не спешили уходить. Сели под куполом. Егоров снова развернул полотнище.

— Смотри-ка, Мелитоша, — сказал он удивленно,— дырки...

Кантария вгляделся.

— Да, вот пулевые, а это, видишь, осколочные.

— Как же так? — застенчиво сказал Егоров. — А я ведь его оберегал...

— Видел я, как ты его своим телом прикрывал, — сердито сказал Кантария отворачиваясь.

И неизвестно было, на что он сердится, но только теперь оба впервые задумались о том трудном пути, который привел их на купол рейхстага.

29

Прошли годы. Народы Европы с огромным трудом залечили раны, нанесенные страшной, опустошительной войной. Ее зачинщица — гитлеровская Германия, начавшая с поджога рейхстага и кончившая мировым пожаром, понесла справедливое возмездие.

Одна часть прежней Германии влилась в могучий лагерь социализма.

Правители другой части Германии пренебрегли трагическим для немецкого народа уроком истории и шествуют по стопам «великого фюрера». Сплотив силы реакционной Германии, они лихорадочно готовятся к реваншу.

Сердце страны — Берлин несет на себе отпечаток той же двойственности, порожденной своекорыстной политикой западных держав, препятствующих становлению общегерманского демократического государства.

Восточный, демократический сектор столицы уверенно смотрит в свое будущее. И потому, что у него есть это будущее, изо дня в день наливается живительной силой, молодеет, хорошеет.

Западный сектор, придавленный оккупацией, повернут к прошлому.

...В дни 40-й годовщины Советской Армии Москва по просьбе советских бойцов, временно находящихся в пределах Германской Демократической Республики, послала Берлин Героев Советского Союза Михаила Алексеевича Егорова и Мелитона Варламовича Кантария. По пути следования Егоров и Кантария побывали в

советских воинских частях, делились своими воспоминаниями, интересовались жизнью и учением солдат.

Прибыв рано утром в Берлин, они захотели сразу же осмотреть столицу, чтобы собственными глазами увидеть, что сталось с ней. Это было не любопытство, а веление сердца, столько пережившего здесь тринадцать лет назад.

Было около девяти утра, когда машина тихо тронулась в путь по улицам и площадям, где не так уж давно дни и ночи громыхала канонада, падали, как подкошенные, дома, рассыпаясь в груды кирпича, клубился удушливый дым и люди озверело бросались друг на друга.

Теперь вокруг все спокойно, мирно. Еще остались руины, зияющие, как открытые, чуть присыпанные снегом раны на теле огромного города. Но в демократическом секторе он полон жизни, творческой, созидательной. Высятся вновь построенные дома, поднимаются к небу высотные здания. Густо окаймлены тротуары высаженными за эти годы деревьями.

И всюду — башенные краны, а возле них и во многих других местах трудолюбиво хлопочут люди. Почему так много этих людей, среди них — и женщины, и даже дети? Кажется, что все население Берлина вышло из домов. Да так оно и есть, потому что нынче — очередной субботник, и берлинцы, как говорили у нас в старину, «всем миром» восстанавливают и украшают любимую столицу. Об этом Егоров и Кантария узнали от своего шофера.

Машина останавливалась у новых, воздвигнутых вскоре после войны, величественных памятников. Егоров и Кантария выходили из нее и, сняв шляпы, с молчаливой грустью простаивали здесь несколько минут. На постаментах высечено: «Обнажите головы! Здесь покоятся вечным сном советские воины — Герои Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Они отдали свою жизнь за ваше счастье!»

С восхищением Егоров и Кантария осмотрели новую грандиозную магистраль — Аллею Сталина, полюбовались выросшими из пепла красавцами-домами на Книпроде-штрассе, Ан дер Вебервизе, в Трептове.

На одной улице шофер затормозил и, улыбаясь, сказал, указывая на большой плакат с немецкой надписью:

— Забавный факт!

И перевел: «Всем! Оба тротуара и мостовая принадлежат к восточному сектору, а палисадники и дома по правой стороне — к западному сектору».

— Да, — задумчиво сказал Кантария. — Нехорошо: единый организм на части разрезан.

— Ничего, — отозвался Егоров. — Время придет, и Берлин станет столицей свободной Германии. До рейхстага отсюда далеко? — спросил он у шофера.

— Не очень. Только мне на машине туда нельзя.

— Тогда мы — пешком, — решительно сказал Кантария.

— Не советую, — заметил шофер. — Задержать могут.

— Ничего, как-нибудь отвертимся. Верно, Миша?

Егорову тоже захотелось сейчас же побывать в рейхстаге.

— Ну что ж, пойдем, Мелитоша. Авось, не расстреляют нас за такое преступление.

Они отпустили шофера и зашагали по указанному направлению. Скоро вышли к Королевской площади, окруженной полуразрушенными зданиями и просто пустырями. Узнали площадь сразу, несмотря на то, что снег изменил ее облик. Всяческий лом, заграждения, вероятно, убрали. Но, судя по неровностям снежного покрова, кое-что еще осталось. Вон виднеется какой-то холмик, подальше — другой, а тут — выемка.

— Кажется, в этой воронке мы с тобой лежали, — тихо говорит Егоров.

— А направо — помнишь трансформаторную будку? Сейчас там пусто.

И они медленно пошли через площадь. Воспоминания теснились, оживали острые детали.

— А помнишь, Миша?..

— А помнишь, Мелитоша?..

Перед ними обрисовывалась громада рейхстага. Сбоку виднелся выжженный, оголенный Тиргартен.

Обнажив головы, они задержались у памятника советским воинам, погибшим в боях за рейхстаг. Сколько здесь пало боевых друзей! Вечная им память и слава...

— Пойдем, Мелитон, — вздохнув, сказал Егоров.

Рейхстаг, по-старому хмурый, грязно-серый, глядит в прошлое. У главного подъезда стоит часовой английских оккупационных войск.

Сегодня на часах — добродушный светлоглазый парень. Он оперся спиной о колонну, щурится на снег и украдкой курит сигарету.

По широким ступеням рейхстага медленно, с любопытством оглядываясь по сторонам, поднимаются два господина в приличных теплых пальто. Один из них повыше ростом.

— Экскурсанты, — решает часовой.

Он бросает сигарету, становится на нее ногой и вытягивается у входа. «Экскурсанты» подходят к нему и останавливаются. Тот, который повыше, что-то говорит своему спутнику. Английский солдат не понимает, но созвучия ему знакомы.

— Опять часовой,—досадливо морщится Кантария.— Помнишь, Миша, как нас не пускал часовой в комнату с фальшивым Гитлером?

— Порядок, Мелитоша,—спокойно отвечает Егоров.— Иначе нельзя.

— Чего там нельзя! Я ему сейчас растолкую...

Часовой, вопросительно смотревший на них, вслушивается и широко улыбается. Он уловил слово «Миша», которое запомнил во время встреч с русскими ребятами. И вообще он знает несколько слов по-русски.

— Рашен! Вери гуд*.

Он протягивает ладонь и, выразительно хлопнув по ней рукой, говорит:

— Мича, пропуск!

— Генацвали, какой там еще пропуск? Мы рейхстаг брали, Знамя на нем водрузили, — подступив вплотную к англичанину, возбужденно говорит высокий.

Часовой шагнул назад, положил руку на висевший на шее автомат.

— Пропуск... Комендант... — сказал он сердито.

Егоров тронул Кантария за локоть.

— Пошли, Мелитоша, за пропуском. Ничего не поделаешь.

Вечерело. На снежном фоне здание рейхстага казалось еще более мрачным.

— Знамени-то нет, — вздохнул Кантария, — сняли, дьяволы!

---

* Русские! Очень хорошо.

— Ничего, Мелитоша. Сам знаешь, красуется наше Знамя Победы под стеклом в Музее Советской Армии. И освещено со всех сторон. И все, кто хочет, видят его.

Осмотр рейхстага внутри не произвел на обоих особого впечатления. Бродили по залам, коридорам. Они были очищены от мусора, обломков, но разрушения, пробоины, изуродованные статуи остались. Зловещие следы пожара — обгорелые, закопченные стены и потолки, покоробленные, вздувшиеся полы — напоминали о бушевавшем здесь пламени, — не было только нестерпимой жары, удушливого дыма и едкой гари, щипавшей в носу и горле. Поднялись на крышу, но там было пустынно и неприютно без торжествующего сияния алого полотнища, лившего победный свет над Берлином. Молча спустились к выходу. Стоял уже другой часовой. Егоров потрогал колонну со вмятинами от осколков снарядов.

— Здесь мы впервой прикрепили наше Знамя, помнишь, Мелитон? — задумчиво сказал он...

Через несколько дней поезд уносил их из Берлина на Родину.

30

За тринадцать послевоенных лет дружба между Егоровым и Кантария, родившаяся в горниле войны, закалилась, приобрела характер сердечной привязанности. Они переписывались, Кантария усиленно звал друга к себе в гости.

Вернувшийся в Бардино Егоров был избран председателем сильно отставшего за это время колхоза «Красный маяк». Он охотно взялся за дело, упрямо и последовательно, по своему обыкновению, преодолевая трудности и постепенно улучшая дело.

В 1950 году Егоров смог съездить в далекую Агу-Бедию. Кантария работал тогда звеньевым в колхозе «Победа».

Встреча была трогательной. Друзья расцеловались, как родные братья.

Кантария сразу же повел гостя знакомиться с колхозом. Егоров видел, что ему не терпится сделать это, и про себя с удовольствием отметил ревностность бывшего лихого разведчика к сугубо мирной профессии, которая и теперь была у них общей.

Пока они пробирались по горным тропинкам, Мелитон Варламович рассказывал о достижениях колхоза. А когда пришли на место, стал показывать угодья.

— Вот наша кукуруза. Не сеете? Ой, зря, зря. Очень выгодная культура! Налево — табак, направо по солнечному склону горы — чай, а вот это — виноградники.

Степняку-северянину, впервые увидевшему горный южный колхоз, многое было в диковинку. С интересом рассматривал он незнакомые культуры, расспрашивал о способах их обработки. Сначала ему показалось странным, что под посевы отведены совсем небольшие участки, но когда он поближе вник в обстоятельства, то по достоинству оценил все трудности в местной сельскохозяйственной работе. С нескрываемой гордостью Кантария показывал любовно культивируемые островки своего звена, разбросанные в разных местах. Егоров порадовался тому, что таким замечательным колхозником стал его бывший боевой соратник.

Гостевой срок прошел быстро, незаметно. Уезжал Михаил Алексеевич с чувством сожаления, что не могут они поселиться вместе и работать друг подле друга.

В другой раз они встретились только через пять лет — в 1955 году в Москве, на квартире бывшего командира батальона Самсонова. Сюда же пришел и другой командир — участник берлинских сражений — Неустроев.

Полковник Константин Яковлевич Самсонов окончил Военно-политическую академию имени Ленина, сейчас работает преподавателем.

Степан Андреевич Неустроев, уйдя в запас, вернулся на Урал.

Оба удостоены звания Героя Советского Союза.

К этому времени Михаил Алексеевич Егоров окончил областную партийную школу и переведен был в город Рудню на работу в районный центр.

Все четверо сидели теперь за столом, попивали вино, привезенное Кантария, оживленно делились воспоминаниями.

— Ну, а еще о ком слышно?—спросил Неустроев.

Константин Яковлевич рассказал. Бывший старшина-разведчик Вячеслав Иванов написал ему из Казахстана, что сначала работал библиотекарем в Алма-Ате, а когда стали осваивать целину, пошел в районный комитет партии с заявлением. И хоть не так уж молод, но,

прибыв в Кустанайские степи, задорно пел с комсомольцами:

Здравствуй, земля целинная!

Есть сведения о бывших знаменосцах — Григории Савенко и Михаиле Еремине. Первый работает в колхозе на Украине, второй — заместитель директора рыбного завода на Волге. Героями Советского Союза стали бывший командир батальона Василий Иванович Давыдов и командир роты старший сержант Илья Яковлевич Сьянов, работающий в Казахстане.

Кантария, пригубливая с видом завзятого дегустатора вино, поставленное хозяином, сообщил о себе, что сейчас трудится в городе Очемчири в тресте по укреплению морского берега.

— Люблю я, товарищи, Черное море. Его, вы знаете, еще Пушкин воспел. Но... оно и злое. Разъярится в бурю, удержу нет. Вот наш трест и укрощает его. Возводим сооружения вроде бетонированных дотов...

Вчерашние герои боев сегодня стали героями труда.

Максим Иванович Сбойчаков
Владимир Гервасьевич Черевков

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД
РЕЙХСТАГОМ

Редактор *А. И. Григорьева*
Художник *И. Л. Ушаков*
Художеств. редактор *Б. А. Васильев*
Техн. редактор *М. С. Карякина*
Корректор *М. А. Заозерская*

Г-64100 Сдано в набор 16/XI— 59 г. Подписано к печати 6/II—60 г.
Бумага 84×108$^1/_{32}$ 3,25 физ. п. л. = 5,33 усл. п. л. Уч.-изд. л.=5,302
Изд. № 3/1271 Цена 1 р. 60 к. Тираж 45 000 экз.
Издательство ДОСААФ, Москва, Б-66, Ново-Рязанская ул., д. 26

Тип. Изд-ва ДОСААФ, г. Тушино. Зак. **416**

1 р. 60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОСААФ
Москва
1960